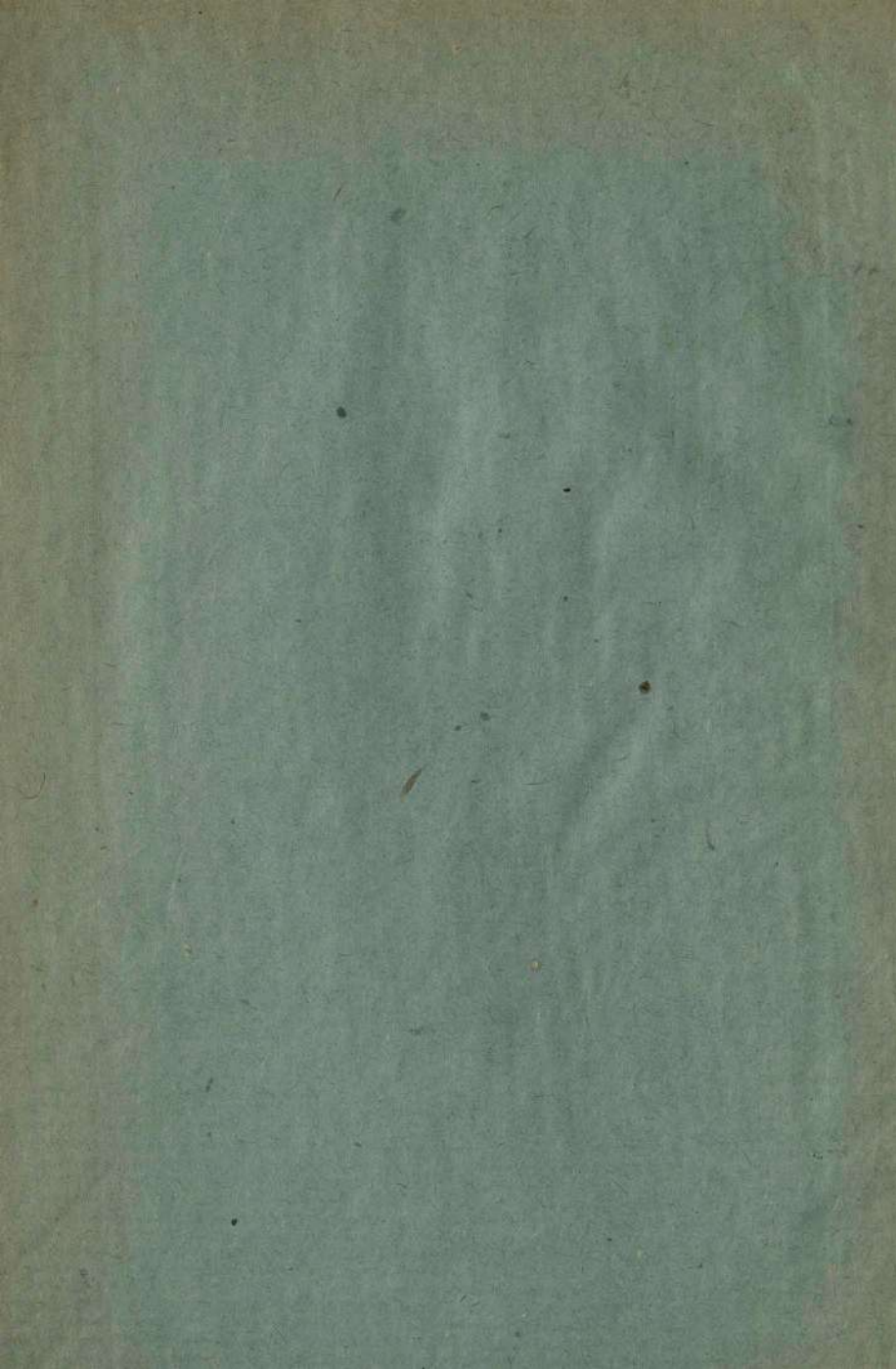

КАЛИДА

САКУНТАЛА

W 509
149

✓ 509
✓ 199

16.1.15

САКУНТАЛА

ПАМЯТНИКИ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 2275

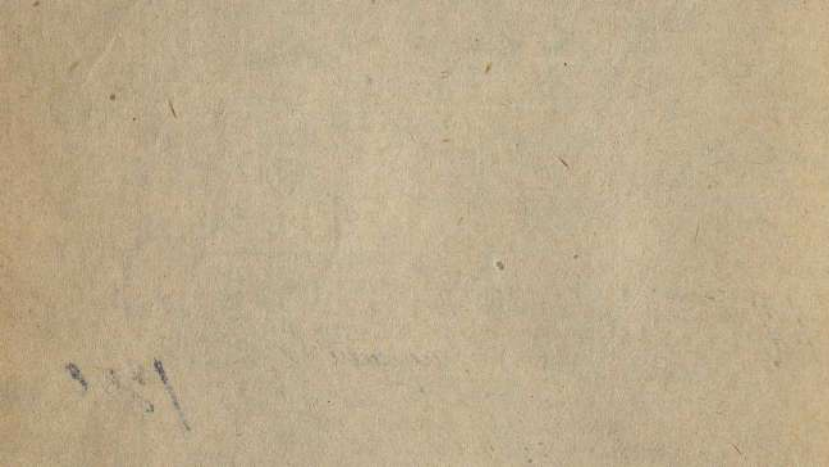
ЗЪ БИБЛИОТЕКИ

АЛЕКСѢВИЧА АБРИКОСОВА.

1 35.

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка	
1871 12				1 (админ.)		120	15	1300

16.1.15.

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КАЛИДАСА

САКУНТАЛА. ДРАМА

W $\frac{509}{149}$ ar

16. 1. 115

САКУНТАЛА

ДРАМА

КАЛИДАСЫ

ПЕРЕВОДЪ

К. БАЛЬМОНТА

МОСКВА

ИЗДАНИЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ

1915

САКУНТАЛА

ВЪВЕДЕНІЕ

АКТОВЪ

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.

МОСКВА—1915.

САКУНТАЛА

12. 7. 18. —

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царь Душіанта.

Бгарата, по прозванію Все-Укротитель, его сынъ.

Мадгавія, шутъ, его сотоварищъ.

Возница.

Раиватака, привратникъ.

Бгадрасена, полководецъ.

Карабгака, слуга.

Парватайяна, придворный.

Сомарата, домашній жрецъ Царя.

Канва, отецъ-отшельникъ.

Сарнагарава, }
Сарадвата, } его ученики.
Гарита, }

Дурвасасъ, гнѣвный мудрецъ.

Начальникъ стражи.

Сучака, }
Джанака, } стражники.

Рыбакъ.

Сакунтала, пріемная дочь Канвы.

Анасуя, }
Пріамвада, } ея подруги.

Гаутами, мать-отшельница.

Касіапа, отецъ Боговъ.

Адити, мать Боговъ.

Матали, возница Небеснаго Царя.

Галява, послушникъ въ Небѣ.

Мишракеши, небесная дѣва.

Театральный Директоръ и Актриса (въ Прологѣ).

Отшельники и Отшельницы.

Два Придворные Поэта.

Дворцовые Слуги.

Невидимыя Волшебныя Существа.

Первыя четыре дѣйствія происходятъ въ Лѣсной Пустыни, пятое и шестое въ Царскомъ Дворцѣ, седьмое на Небесной Горѣ. Время протекающее за всѣ семь дѣйствій лѣтъ семь.

ПРОЛОГЪ.

НАЧАЛЬНАЯ МОЛИТВА.

Восемь тѣлъ Высокаго Владыки:—
Первая изъ созданныхъ, Вода,
Жертву совершающее, Пламя,
Жрецъ, въ тѣлесномъ обликѣ своемъ,
Солнце и Луна, что время дѣлятъ,
Звука путь, объемлющій Эфиръ,
И Земля, гдѣ сѣмя всякой жизни,
И дыханье тѣхъ, кто дышетъ, Воздухъ.
Въ этихъ возникающій восьми,
Да пребудетъ милостивъ Владыка.

Театральный Директоръ.

Ну, довольно. (Поворачиваясь къ уборной). Любезнѣйшая, какъ будешь готова, прошу пожаловать сюда. (Актриса входитъ).

Актриса.

Вотъ и я. Да скажетъ мнѣ мой повелитель, что я должна дѣлать.

Театральный Директоръ.

Весьма разборчивая у насъ публика, и новую драму предложимъ мы вниманію собравшихся. Зовется она—*Сакунтала и Кольцо-примѣта*, а написалъ ее знаменитый Калидаса. Каждый, кто выступить, да принесетъ сюда весь свой пылъ.

Актриса.

Ты все приготовилъ великолѣпно. Помѣхи не будетъ ни въ чемъ.

Театральный Директоръ. (Улыбаясь).

Ну, говоря по правдѣ,
Пока не похвалить знатокъ,
Игрою нельзя похвалиться.
И даже, кто самъ преуспѣлъ,
Поддержки онъ ждетъ въ одобреніи.

Актриса.

Это такъ. Что прежде всего мнѣ нужно сдѣлать?

Театральный Директоръ.

Прежде всего, спой что-нибудь, дабы усладить слухъ присутствующихъ.

Актриса.

Какое же время года мнѣ воспѣть?

Театральный Директоръ.

А только что лѣто началось,—его и воспой. Вѣдь въ это время года—

Такъ радостно броситься въ свѣжія воды,
 Бигноніей дышетъ лѣсной вѣтерокъ,
 И дремлется сладко въ тѣни благовонной,
 И въ сумеркахъ свѣтлыхъ кончается день.

Актриса.

Хорошо. (Поетъ).

Сирись—красивый цвѣтокъ,
 Полонъ душистой пыльцой,
 Дѣвушки любятъ цвѣты
 Въ волосы нѣжно вплести.
 Только тихонько срывай,
 Пчелы въ цвѣткѣ—примѣчай.

Театральный Директоръ.

Отлично, отлично. Весь театръ прямо плѣненъ твоимъ
 пѣніемъ,—вонъ они всѣ сидятъ какъ нарисованные. Какую же
 мы имъ пьесу представимъ, дабы снискать ихъ благоволеніе?

Актриса.

Но вѣдь ты же самъ только что мнѣ сказалъ, что мы пред-
 ставимъ новую драму, называющуюся—*Сакунтала и Кольцо*
прильта.

Театральный Директоръ.

Ахъ, правда. Спасибо. А я совсѣмъ было позабылъ.

Такъ нѣжно ты пѣла, твой голосъ свирѣлъ.

Царя Душіанту такъ манить газель.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Въ колесницѣ, преслѣдуя лань, появляется Царь Душіанта, въ рукахъ у него лукъ и стрѣла. Съ нимъ Возница).

Возница.

(Смотря на Царя и на лань).

Высокій Повелитель,—

Когда ты мчишься за пятнистой ланью,
Съ натянутой на лукъ тетивой,
Мнѣ чудится—въ божественной охотѣ
То Сива лань готовъ сразить стрѣлой.

Царь.

Возница, эта лань заставила насъ погоняться за собой. И даже теперь—

Какъ шею склоняетъ она,
Назадъ посылая свой взглядъ,
И снова глядитъ и глядитъ
На эту погоню за ней.
Какъ жметъ она тѣло впередъ,
Изъ страха пронзенія стрѣлы!
Усыпанъ за нею весь путь
Стеблями, что были во рту,
Она не успѣла ихъ съѣсть,
И влажная пала трава.
Какъ вверхъ она прыгаетъ, глянь,
Почти не бѣжитъ, а летитъ!

(Съ удивленіемъ). Гонись не гонись, я едва ее вижу.

Возница.

Высокій Повелитель, я задержалъ лошадей, потому что дорога была неровная. Оттого и лани можно было такъ далеко убѣжать. А теперь мы на ровной дорогѣ, и ты легко ее настигнешь.

Царь.

Тогда пусти возжи вольно.

Возница.

Слушаю, Повелитель. (Онъ изображаетъ быстрое движеніе).

Смотри, смотри, Повелитель.

Едва я возжи отпустилъ,
 Какъ кони понеслись,—
 И точно жаждутъ перегнать
 Уклончивую лань.
 Какъ облако—за ними пыль
 Летить, но не догнать.
 Ихъ шея вытянута впрямь,
 Прижаты уши вполоть.
 И на застывшихъ головахъ
 Не дрогнетъ ихъ уборъ.
 Они спѣшаютъ, они летятъ,
 Ихъ словно вѣтеръ мчитъ.

Царь. (Радостно).

Смотри, кони догоняютъ.

Впередъ и впередъ колесница бѣжитъ,
 Чтó малымъ казалось, то вдругъ возросло.

Что было раздѣльнымъ, слилось какъ пятно,
Что было кривое, вдругъ стало прямымъ.
Что около было, вонъ тамъ ужь вдали,
Что было далекимъ, вотъ здѣсь предо мной.

Теперь смотри, какъ застрѣлю ее. (Кладетъ стрѣлу на тетиву).

Голосъ за сценой.

Царь, остановись, эта лань принадлежитъ Пустыни, ее нельзя убивать.

Возница. (Слушаетъ и смотритъ).

Высокій Повелитель, тамъ встали два отшельника между тобою и ланью.

Царь. (Поспѣшно).

Останови лошадей.

Возница.

Слушаю, Высокій Повелитель. (Онъ дѣлаетъ это. Входитъ Отшельникъ съ Ученикомъ своимъ).

Отшельникъ. (Поднимая руку).

Царь, эта лань принадлежитъ Пустыни.

Не надо, не надо убійства,
Стрѣлу въ эту лань не стреми,
Вѣдь это какъ если бы въ чашу
Цвѣточную бросить огонь.
Ужели же нѣжное тѣло
Той лани—достойная цѣль
Для этой пронзающей, острой,
Для этой алмазной стрѣлы?

Въ колчанъ положи смертоносность.
Оружіе ты получилъ,
Чтобъ быть огорченнымъ защитой,
Не смертью невинныхъ существъ.

Царь. (Опуская лукъ).

Вотъ, сдѣлано. (Дѣлаетъ это).

Отшельникъ. (Радостно).

Дѣяніе достойное тебя, отпрыскъ рода Пуру, и сіяющій примѣръ для царей. Да родится у тебя сынъ, дабы править Землею и Небомъ.

Царь. (Низко склоняясь).

Благодарю за благословеніе, сказанное Браманою.

Два Отшельника.

Царь, мы вышли собрать топлива. Здѣсь, на берегу Малини, ты можешь видѣть Пустынь Отца Канвы, а Сакунтала охраняетъ ее, какъ нѣкая богиня покровительствующая. Если другія Божества не противъ, просимъ, войди и будь гостемъ. А кромѣ того,—

Увидишь, какъ свершаются спокойно
Отшельниковъ священные обряды,
Почувствуешь, что не напрасно въ шрамахъ
Твоя, покой дающая, рука.

Царь.

А Отецъ Отшельникъ здѣсь?

Два Отшельника.

Нѣтъ, чтобъ гостей привѣтить, онъ оставилъ дочь, а самъ только что ушелъ въ Соматирту, дабы предотвратить злую участь, грозящую ей.

Царь.

Хорошо, я увижу ее. Она почувствуетъ мое благоговѣніе, и разскажетъ объ этомъ мудрому.

Два Отшельника.

Такъ мы пойдемъ теперь своей дорогой. (Отшельникъ уходитъ съ Ученикомъ).

Царь.

Возница, поѣзжай. Видъ благочестивой Пустыни очиститъ насъ.

Возница.

Слушаю, Высокій Повелитель. (Онъ опять изображаетъ движеніе).

Царь. (Оглядываясь кругомъ).

Если бы даже намъ и не сказали, было бы легко догадаться, что это предѣлы благочестивой рощи.

Возница.

Почему?

Царь.

Развѣ ты не видишь? Смотри же,—

Въ тѣни деревьевъ рисовыя зерна,

Клюя, ихъ разбросали попугаи,

Просунувъ длинный клювъ свой изъ дупла;
 Миндальное цѣлительное масло
 На камнѣ растиральномъ здѣсь и тамъ;
 И ѣдемъ мы, но, полныя довѣрья,
 Внимательныя лани не бѣгутъ;
 И путь къ рѣкѣ вездѣ обрызганъ влагой,
 Съ отшельничьихъ одеждъ она текла.

А потомъ еще,—

Источники, подъ вѣтеркомъ курчавясь,
 Къ корнямъ деревьевъ свѣтлой влагой лнуть,
 И красный свѣтъ цвѣтовъ горитъ сквозь синій,
 Благоговѣнно восходящій дымъ,
 И на лужайкахъ съ нѣжною травою
 Оленей молодыхъ идутъ стада.

Возница.

Это все такъ.

Царь. (Помедливъ).

Мы не должны тревожить Пустынь. Остановись, и я сойду.

Возница.

Я держу возжи. Сходи, Высокій Повелитель.

Царь. (Сходить и оглядываетъ себя).

Въ Пустынь нужно входить въ скромной одеждѣ. Возьми эти украшенія и лукъ. (Отдаетъ ихъ Возницѣ). Пока я буду у Отшельниковъ, помочи спину лошадямъ.

Возница.

Слушаю, Высокій Повелитель. (Уходитъ).

Царь. (Идетъ и смотритъ вокругъ).

Пустынь. Хорошо, я войду. (Въ то время какъ онъ входитъ, онъ чувствуетъ подергиваніе въ рукѣ).

Мѣсто спокойное. Что бъ это значило,—

Трепетъ. Сюда не придетъ же любовь.

Впрочемъ, къ тому, что Судьбой предназначено,

Двери открыты вездѣ.

Голосъ за сценой.

Этой дорогой, дѣвушки.

Царь. (Прислушиваясь).

Мнѣ кажется, я слышу кого-то направо отъ рощи. Нужно узнать. (Идетъ и осматривается кругомъ). Ахъ, это дѣвушки-отшельницы, съ кувшинами какъ разъ такихъ размѣровъ, чтобы онѣ могли ихъ нести. Онѣ идутъ сюда поливать деревья. Онѣ очаровательны.

Если столько въ нихъ чары въ безлюдной пустынѣ,

Какъ не встрѣтить у дѣвушекъ въ царскомъ дворцѣ,
Достоительно признать, что лѣсныя ліаны

Превосходнѣе, въ свойствахъ, садовыхъ ліанъ.

Я отойду въ тѣнь и подожду ихъ. (Стоитъ и смотритъ въ сторону дѣвушекъ. Входитъ, съ двумя Подругами, Сакунтала, поливая деревья).

Первая Подруга.

Миѣ кажется, милая, что Отецъ Канва болѣе заботится о деревьяхъ Пустыни, чѣмъ о тебѣ. Ты нѣжна какъ цвѣтокъ жасмина, а онъ велитъ тебѣ наполнять водой канавки около деревьевъ.

Сакунтала.

О, тутъ не столько Отецъ велитъ. Миѣ растенія какъ сестры. (Поливаетъ деревья.)

Пріамвада.

Сакунтала, мы полили деревья, что цвѣтутъ лѣтомъ. Теперь обрызгаемъ водою тѣ, что уже отцвѣли. Это будетъ болѣе благимъ дѣломъ, потому что мы сдѣлаемъ его безкорыстно.

Сакунтала.

Какая красивая мысль. (Дѣлаетъ это).

Царь. (Про себя).

Такъ это дочь Канвы, Сакунтала. (Съ удивленіемъ). Благой Отецъ дѣлаетъ дурно, заставляя ее носить отшельническую одежду изъ коры.

Мудрецъ, что ярмомъ покаянья и горести

Возжелалъ чарованья ея укротить,

Рѣшилъ лепестками лазурнаго лотоса

Тяжелыя сучья рубить.

Ну, хорошо, я отойду за дерево, и посмотрю, что она будетъ дѣлать съ своими подругами. (Прячется).

Сакунтала.

Ахъ, Анасуйя. Приамвада такъ затянула на мнѣ одежду изъ коры, что она жметъ. Прошу, распусти ее. (Анасуйя дѣлаетъ это).

Приамвада. (Смѣясь).

Ты бы лучше упрекала красоту свою расцвѣтающую.

Царь.

Она права.

Связуя на плечахъ узлами,
 Покровъ изъ колющей коры
 Скрываетъ дѣвственныя груди,
 И утѣсняетъ ихъ расцвѣтъ.
 Въ лѣсу подъ желтыми листьями
 Такъ расцвѣтеть цвѣтокъ весной,
 И тотъ покровъ осеннихъ листьевъ,
 Тѣсня, скрываетъ красоту.

Но, говоря по правдѣ, эта одежда изъ древесной коры не враждуетъ съ ея красотой. Она лишь добавочное украшеніе. Потому что—

Хоть скрыть болотною травой,
 Сіяетъ лотось красотой.
 Хоть на Лунѣ темнѣютъ пятна,
 Блится свѣтлая Луна.
 И хоть покрыть корой древесной,
 Не скрыть дѣвическій тотъ станъ,—
 На тѣлѣ юномъ, тѣлѣ стройномъ
 Какой не будетъ милъ нарядъ?

Сакунтала. (Смотря впередъ).

О, дѣвушки, это манговое дерево хочетъ мнѣ что-то сказать, вѣтки его движутся въ вѣтрѣ какъ пальцы. Пойду, посмотрю. (Дѣлаетъ это).

Пріамвада.

Постой, Сакунтала, подожди минутку, и стой такъ прямо тамъ, гдѣ ты стоишь.

Сакунтала.

Почему?

Пріамвада.

Когда я тебя вижу тамъ, это точно виноградная лоза вьется вокругъ манговаго дерева.

Сакунтала.

Я вижу, почему они зовутъ тебя лстивой.

Царь.

Но лстѣ эта—правда.

Ея руки—нѣжные побѣги,

Ея губы—красные цвѣты,

Ея губы—жаркіе расцвѣты,

Ея груди—свѣтъ цвѣточныхъ чашъ.

Анасуя.

Сакунтала, вотъ вѣтка жасмина, что ты назвала Лунный Свѣтъ Лѣсной. Эта вѣтка выбрала манговое дерево въ мужья.

САКУНТАЛА.

Сакунтала.

(Подходить и радостно смотреть).

Какая прелестная чета. Жасминъ являетъ свою юность свѣжими своими цвѣтами, а манговое дерево выказываетъ силу своимъ наливающимся плодомъ. (Стоитъ и смотреть на эти растенія).

Пріамвада. (Улыбаясь).

Анасуя, знаешь, почему Сакунтала такъ пристально смотритъ на Лунный Свѣтъ Лѣсной?

Анасуя.

Нѣтъ. Почему?

Пріамвада.

Она думаетъ, что Лунный Свѣтъ Лѣсной нашелъ себѣ подходящаго друга и надѣется, что она тоже встрѣтитъ хорошаго жениха.

Сакунтала.

Тебѣ самой это не мѣшаетъ. (Зачерпываетъ кувшиномъ воду).

Анасуя.

Смотри, Сакунтала, вотъ здѣсь въюнкъ, Отецъ Канва самъ выхолилъ это растеніе собственными руками — какъ тебя. А ты забываешь его.

Сакунтала.

Я скорѣй себя забуду. (Она идетъ къ въюнку и смотреть на него радостно). Удивительно. Удивительно. Пріамвада, я что-то тебѣ радостное скажу.

Пріамвада.

Что, милая?

Сакунтала.

Это совсѣмъ не по времени года, но вьюнокъ весь покрылся цвѣточными почками до самаго корня.

Двѣ подруги. (Бѣгутъ къ ней).

Правда?

Сакунтала.

Ну, конечно. Развѣ вы не видите?

Пріамвада. (Смотря радостно).

И я тебѣ что-то радостное скажу. Ты скоро выйдешь замужъ.

Сакунтала. (Сердито).

Ты знаешь, что это какъ разъ тебѣ самой не мѣшаетъ.

Пріамвада.

Я не дразню тебя. Я на самомъ дѣлѣ слышала, какъ Отецъ Канва сказалъ, что эта цвѣтущая лоза будетъ знакомъ твоего будущаго счастья.

Анасуя.

Вотъ почему, Пріамвада, такъ любовно поливаетъ Сакунтала эту лозу.

Сакунтала.

Она сестра моя. Почему бы не дала я ей воды? (Зачерпываетъ воды).

Царь.

Могу ли я надѣяться, что у этой дочери отшельника мать принадлежитъ къ другой кастѣ? Такъ должно быть.

Супругою воителя ей вѣрно можно быть,—

Иначе какъ бы смѣлъ мой духъ томиться въ возже-
ланыи?

Когда въ сомнѣнны разумъ нашъ, не зная, гдѣ нашъ
путь,—

Намъ сердце точно говорить въ нелживомъ указаньи.

Но я долженъ узнать всю правду.

Сакунтала. (Съ волненіемъ).

А, а! Пчела улетѣла съ вѣтки жасмина и прямо въ лицо
мнѣ. (Показываетъ, какъ пчела надоѣдаетъ ей).

Царь. (Пламенно).

Ты, медвяная летунья,

Хлопотливая пчела,

Ты крыломъ звенящимъ рѣешь

Возлѣ трепетныхъ рѣсницъ.

И жужжишь при этомъ нѣжно,

Точно на ухо ты ей

Хочешь ласково повѣдать,

Нашептать исподтишка.

Хоть она рукой своею

Отгоняетъ твой полетъ,

Съ юныхъ губъ ея крадешъ ты
Весь восторгъ, что въ нихъ расцвѣлъ.
(Ревнуя).

Шестиногая летунья,
Ты куда ни полетишь,
За тобой стремится слѣдомъ
Этотъ, полный ласки, взглядъ.
И хоть страхомъ, не любовью,
Тѣ движенія внушены,
Всѣ полны они играньемъ,
Въ каждомъ искрится любовь.
Я жъ ея лишь зная имя,
И не вѣдая семьи,
Здѣсь стою, и ты—у цѣли,
Я же близко и вдали.

Сакунтала.

Дѣвушки. Спасите меня отъ этой чудовищной пчелы.

Двѣ Подруги. (Улыбаясь).

Кто мы, чтобы спасти тебя? Позови лучше Душіанту.
Благочестивыя рощи находятся подъ его покровительствомъ.

Царь.

Хорошій случай показаться. Не— (Удерживается). Нѣтъ,
онѣ сейчасъ же догадаются, что я Царь. Мнѣ больше нравится появиться въ качествѣ гостя.

Сакунтала.

Она не оставляетъ меня. Я убѣгу. (Дѣлаетъ шагъ и осматривается). Ай, ай! Что мнѣ дѣлать? Она меня преслѣдуетъ. Спасите меня!

Царь.

(Поспѣшно выступая впередъ).

А!

Царь изъ мощнаго рода Пуру
Процвѣтаетъ на этой землѣ,
Онъ караетъ безстыдную грубость,—
Кто тотъ дерзкій, который посмѣлъ
Этихъ дѣвушекъ благоговѣйныхъ
Потревожить въ ихъ Пустыни здѣсь?
(Дѣвушки нѣсколько смущаются при видѣ Царя).

Анасуя.

Ничего особенно страшнаго, Владыка. Вотъ только нашу подругу (указывая на Сакунталу) испугала и раздражила пчела.

Царь. (Къ Сакунталѣ).

Я думаю—благословенны дни здѣсь—дни благоговѣйные.
(Сакунтала опускаетъ глаза въ замѣшательствѣ).

Анасуя.

Да, теперь, когда такой у насъ высокій гость.

Пріамвада.

Добро пожаловать, Владыка. Сакунтала, сходи въ бесѣдку и принеси плодовъ. Этой водою можно омыть ноги гостю.

Царь.

Слыша учтивыя ваши слова, я уже вижу ваше гостепріимство.

Анасуיה.

Тогда прошу, Владыка, присядь и отдохни на этой тѣнистой скамейкѣ.

Царь.

Вы тоже, я думаю, устали отъ благочестивыхъ вашихъ работъ. Прошу, присядьте на минуту.

Пріамвада.

(Въ сторону, къ Сакунталѣ).

Милая, мы должны быть вѣжливы съ гостемъ. Мы вѣдь присядемъ? (Три Дѣвушки садятся).

Сакунтала. (Къ самой себѣ).

Почему такія чувства во мнѣ, когда я вижу его? Нейдетъ къ Пустыни то, что въ сердцѣ моемъ.

Царь. (Смотря на Дѣвушекъ).

Плѣнительно видѣть вашу дружбу. Вы всѣ юны и красивы.

Пріамвада. (Въ сторону къ Анасуיה).

Кто бъ онъ былъ? Какой онъ таинственный, достойный и вѣжливый. Онъ поступаетъ какъ Царь и благородный.

Анасуיה.

Мнѣ тоже хотѣлось бы это знать. Я спрошу его. (Громко). Владыка, ты такъ вѣжливъ и учтивъ, что я рѣшаюсь что-то

спросить тебя. Какой царственный родъ тобою украшенъ, Властитель? Какая страна печалится о твоёмъ отсутствіи? Почему благородный человѣкъ, со столь изящнымъ воспитаніемъ, предпринялъ утомительное путешествіе въ благочестивую нашу рошу?

Сакунтала. (Въ сторону).

Смѣлѣе, сердце. Твои собственныя мысли сказала вслухъ Анасуйя.

Царь. (Въ сторону).

Сказать ли мнѣ сразу, кто я, или скрыть это? (Онъ размышляетъ). Вотъ какъ я сдѣлаю. (Громко). Я изучаю Священное Писаніе. Мнѣ поручено наблюдать справедливость въ царскихъ городахъ. И я пришелъ сюда, чтобъ убѣдиться, что ничто не нарушаетъ жертвоприношеній.

Анасуйя.

У насъ здѣсь въ Пустыни есть кому позаботиться о насъ. (Сакунтала выказываетъ смущеніе).

Двѣ Подруги.

(Наблюдая за ощущеніями Царя и Сакунталы. Въ сторону къ Сакунталѣ).

О, Сакунтала. Если бъ только Отецъ былъ сегодня здѣсь.

Сакунтала.

Что же было бы?

Двѣ Подруги.

Онъ сдѣлалъ бы превосходнаго нашего гостя счастливымъ, хотя бы лишился при этомъ самаго драгоцѣннаго своего сокровища.

Сакунтала.

(Съ притворнымъ гнѣвомъ).

Подите вы. Чтó вы тамъ болтаете. Не хочу васъ слушать.

Царь.

Я тоже хотѣлъ бы что-то спросить у васъ о вашей подругѣ.

Двѣ Подруги.

Твой вопросъ намъ желаненъ, Владыка.

Царь.

Отецъ Канва всю жизнь живетъ какъ отшельникъ. А вы говорите, что ваша подруга—его дочь. Какъ же это такъ?

Анасуя.

Слушай же, Властитель. Есть тутъ такой великій царственный мудрецъ по имени Каусика...

Царь.

Ахъ, да. Знаменитый Каусика.

Анасуя.

Знай же, это отъ него произошла наша подруга. Но Отецъ Канва настоящій отецъ для нея, потому что онъ сталъ о ней заботиться, когда она была покинута.

Царь.

Ты пробуждаешь мое любопытство этимъ словомъ—покинута. Могу узнать я весь рассказъ?

Анасуия.

Слушай, Владыка. Много лѣтъ тому назадъ, этотъ царственный мудрецъ велъ жизнь полную строгаго подвижничества, и Боги, возревновавъ, послали небесную дѣву Менаку, чтобъ смутить его въ благоговѣйности.

Царь.

Да, Боги ревнуютъ, когда видятъ строгое подвижничество. И потомъ?..

Анасуия.

И вотъ чарующей весной онъ увидалъ пьянящую красоту ея... (Останавливается въ замѣшательствѣ).

Царь.

Остальное ясно. Она, конечно, дочь небесной дѣвы.

Анасуия.

Да.

Царь.

Такъ и должно было быть.

Такое чарованіе,

Нѣтъ, не отъ здѣшной женщины.

Блистающая молнія

Не изъ земли рождается

(Сакунтала опускаетъ голову въ смущеніи).

Царь. (Къ самому себѣ).

О, желанія мои превращаются въ надежды.

Пріамвада.

(Смотря съ улыбкой на Сакупталу).

Владыка, мнѣ кажется, что ты какъ будто хотѣлъ еще что-то спросить? (Сакуптала грозитъ ей пальцемъ).

Царь.

Да, ты угадала. Хотѣлось бы мнѣ знать побольше о благочестивой вашей жизни, и есть у меня еще одинъ вопросъ.

Пріамвада.

Не колеблись же. Мы, отшельники, готовы отвѣчать на всѣ вопросы.

Царь.

Вопросъ мой слѣдующій:—

До замужества ли только соблюдать она должна,

Какъ отшельница, обѣты воздержанья отъ любви,—

Или нѣжными очами нужно видѣть ей всегда

Только очі нѣжныхъ ланей въ изумрудной тишинѣ?

Пріамвада.

Владыка, мы исполняемъ обѣтъ вести жизнь добродѣтельную. Но отецъ ея желаетъ отдать ее достойному любящему.

Царь. (Радостно къ самому себѣ).

О, сердце, безстрашно желай,

Сомнѣнья ушли наконецъ:—

Ты думало—здѣсь лишь огонь,
А здѣсь ожерелье твое.

Сакунтала. (Сердито).

Анасуя, я ухожу.

Анасуя.

Почему такъ?

Сакунтала.

Я иду сказать Матери Гаутами, что Пріамвада говоритъ глупости. (Встаетъ).

Анасуя.

Милая, мы, отшельницы, не можемъ небрежно относиться къ высокому нашему гостю и уходить, когда намъ вздумается. (Сакунтала хочетъ уйти, не отвѣчая).

Царь. (Въ сторону).

Она уходитъ. (Онъ быстро встаетъ, какъ бы желая удержать ее, но овладѣваетъ собой). Кто любитъ, въ томъ мысль есть дѣйствіе.

Хотя я побѣдилъ себя,

И не пошелъ за ней,

Мнѣ кажется—я всталъ, пошелъ,

И вновь пришелъ—во снѣ.

Пріамвада. (Подходя къ Сакунталѣ).

Ты, милая ворчунья, ты не должна уходить.

Сакунтала.

(Оборачивается, нахмуривъ брови).

Почему бы нѣтъ?

Пріамвада.

Ты должна полить еще два дерева. Заплати долгъ, тогда можешь идти. (Она заставляетъ ее вернуться).

Царь.

Она уже устала поливать деревья, это видно. Смотрите.

Плечи ея поникають, ладони у ней покраснѣли,
Руки устали тяжелый кувшинъ поднимать, опускать,
Грудь такъ прерывисто дышетъ, и капельки пота на
ликъ,

Волосы пали безъ ленты, держитъ она ихъ рукой.

Я отпускаю ей долгъ ея. (Даетъ двумъ Подругамъ кольцо. Онѣ берутъ его, читають вырѣзанное внутри имя, и смотрятъ одна на другую).

Царь.

Да не будетъ здѣсь недоразумѣнія. Это подарокъ—отъ Царя.

Пріамвада.

Тогда, владыка, тебѣ не нужно разставаться съ нимъ. Слова твоего достаточно, чтобы отпустить долгъ.

Анасуя.

Ну, хорошо, Сакунтала, тебя освободилъ этотъ добрый ласковый господинъ—или, вѣрнѣе, самъ Царь. Куда теперь пойдешь?

Сакунтала. (Къ самой себѣ).

Если бы могла, никогда бы отъ него не ушла.

Пріамвада.

Ну, что же ты не уходишь?

Сакунтала.

Я не ваша слуга больше. Когда захочу, тогда и уйду.

Царь.

(Смотря на Сакунталу. Къ самому себѣ).

Она чувствуетъ ко мнѣ то же, что я чувствую къ ней?
По крайней мѣрѣ, на это можно надѣяться.

Хотя, когда я говорю,

Она со мной не говоритъ,

Но только я заговорю,

Она вся слушаетъ меня.

И хоть она своимъ лицомъ

Не обращается ко мнѣ,

Но взглядъ внимательныхъ очей

Не отрываетъ отъ меня.

Голосъ за сценой.

Отшельники! Отшельники! Приготовьтесь защищать живыя
существа въ благочестивой нашей рошѣ. Царь Душіанта
охотится по сосѣдству.

Пыль отъ копытъ, отъ коней набѣгающихъ,

Красная въ солнцѣ вечернемъ, летитъ,

И на вѣтвяхъ, гдѣ одежду вы сушите,

Падая, виснетъ, какъ рой саранчи.

Царь. (Въ сторону).

Увы! Мои воины, въ поискахъ меня, тревожатъ благочестивую рощу.

Голосъ за сценой.

Отшельники! Отшельники! Слоны бѣгутъ, и въ испугѣ бѣгутъ отъ него старцы, и дѣти, и женщины.

Онъ на дерево, что было на дорогѣ,
Натолкнувшись, клыкъ одинъ себѣ сломалъ,
И проходить онъ походкой затрудненной
Отъ нависнувшихъ безчисленныхъ лѣанъ,
Отъ него бѣгутъ испуганныя лани,
Къ намъ онъ близится какъ злое существо,
Въ страхѣ самъ, при видѣ царской колесницы,
Онъ врывается въ спокойный нашъ уютъ.

(Дѣвушки прислушиваются и съ безпокойствомъ встаютъ).

Царь. (Про себя).

Какъ прискорбно потревожили изъ-за меня отшельниковъ.
Мнѣ нужно уходить.

Двѣ Подруги.

Властитель, мы испуганы этой тревогою изъ-за слона.
Позволь намъ вернуться въ нашу бесѣдку?

Анасуя. (Къ Сакунталѣ).

Сакунтала, милая, Мать Гаутами будетъ тревожиться. Пойдемъ скорѣе къ ней.

Сакунтала. (Притворно хромая).

О, о! Я совсѣмъ идти не могу.

Царь.

Иди тихонько. А я позабочусь о томъ, чтобы больше не тревожили Пустынь.

Двѣ Подруги.

Властитель, у насъ такое чувство, какъ будто мы знаемъ тебя очень хорошо. Прости, что недостаточно хорошо приняли тебя. Можно просить тебя, чтобы еще разъ ты пожаловалъ къ намъ, и далъ намъ возможность выказать больше гостепріимства?

Царь.

Вы слишкомъ скромны. Уже то, что я вижу васъ, истинная честь для меня.

Сакунтала.

Анасуя, я обрѣзала себѣ ногу объ острый листъ травы. И одежда моя зацѣпилась за вѣтку амаранта. Подождите меня, пока я отцѣплюсь. (Бросаетъ медлящій взглядъ на Царя, и уходитъ съ своими подругами).

Царь. (Вздыхая).

Онѣ ушли. И мнѣ нужно уходить. Я видѣлъ Сакунталу, и не хочу возвращаться въ городъ. Я заставлю людей моихъ расположиться караваномъ недалеко отъ благочестивой рощи. Я не могу оторвать моихъ мыслей отъ Сакунталы.

Это—тѣло уходитъ мое отъ любви, а не я,
Это—тѣло уходитъ, а сердце осталось при ней,
И назадъ устремляется мысль и забота моя,
Точно знамя изъ шелка, несомое противъ вѣтровъ.
(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Входитъ Шутъ, разстроенный).

Шутъ. (Вздыхая).

Проклятье! Проклятье! Проклятье! Съ ногъ я сбился, вступивши въ дружбу съ Царемъ, который охотится. „Вонъ лань“,—только и разговора. „Вонъ вепрь!“ Подумаешь. И въ лѣтній полдень носится по лѣсамъ, гдѣ тѣни ищи-ищи—едва найдешь. Чтó мы пьемъ? Теплую воду вонючую изъ горныхъ ручьевъ, съ приправой изъ листьевъ—нечего сказать, вкусно. Кое-когда, въ неположенное время, перехватимъ кусочекъ тепловатаго мяса. А отъ лошадей и отъ слоновъ такая суматоха, что даже и ночью-то хорошенько не отдохнешь. А потомъ эти охотники и птицеловы—чтобъ ихъ,—будятъ меня ни свѣтъ, ни заря. Такую поднимаютъ разноголосицу, когда въ лѣсъ въѣзжаютъ. Но это еще не все. На старомъ нарывѣ новый выросъ. Онъ тутъ насъ бросилъ, а самъ ушелъ охотиться за ланью. Забрался, говорить, въ Пустынь, и встрѣтилъ тамъ—ахти, ахти мнѣ—и встрѣтилъ

САКУНТАЛА.

3

2018694547

тамъ нѣкую дѣвицу отшельническую, что зовется Сакунтала. Съ тѣхъ поръ ужъ и въ мысляхъ нѣтъ, чтобы въ городъ вернуться. Такъ вотъ и лежу цѣлую ночь напролетъ, думаю объ этомъ, да съ боку на бокъ поворачиваюсь. Чтѣ мнѣ дѣлать? Ну, хорошо, посмотрю на своего пріятеля, когда онъ пожалуетъ сюда, разодѣтый и прикрашенный. (Ходить взадъ и впередъ и осматривается). Эге! Изволятъ идти сюда, и лукъ въ рукѣ, и дѣвица въ сердцѣ. На немъ гирлянда изъ дикихъ цвѣтовъ. Притворюсь, что я совсѣмъ разбитъ. Быть можетъ, хоть такъ найду себѣ покой. (Стоитъ опершись на палку. Входитъ Царь, какъ былъ описанъ).

Царь. (Къ самому себѣ).

Хотя не такъ легко достичь моей любимой,
Она ужъ мыслями склонилась ко мнѣ,
И хоть предъ счастіемъ любовь лишь дразнить сердце,
Въ простомъ томленіи ужъ сладкій есть восторгъ.
(Улыбаясь). Такъ влюбленный обманываетъ себя. Онъ мѣряетъ чувства возлюбленной собственными своими желаніями.

Глядѣла она такъ любовно,—

Но взглядъ ея былъ не ко мнѣ;

Такъ медленно шла, удаляясь,—

Но въ томъ не влюбленность,—игра;

Прерывисто такъ говорила,—

Но это къ подругѣ своей;

А я, какъ влюбленный, все это

Примѣняю охотно къ себѣ.

Ш у т ь. (Стоить какъ прежде).

Вотъ, Царь, не могу ни рукой, ни ногой двинуть. Могу лишь привѣтствовать тебя голосомъ.

Ц а р ь. (Смотря и улыбаясь).

Отчего это ты вдругъ охромѣлъ?

Ш у т ь.

Превосходно. Ты человѣку сперва въ глазъ угодишь, а потомъ спрашиваешь, отчего у него слезы.

Ц а р ь.

Я не понимаю тебя. Говори безъ обиняковъ.

Ш у т ь.

Когда камышъ сгибается, какъ горбунъ, ты камышъ осуждаешь или рѣчное теченіе?

Ц а р ь.

Ну, конечно, рѣчное теченіе.

Ш у т ь.

Вотъ и за мои безпокойства нужно тебя осуждать.

Ц а р ь.

Какъ такъ?

Ш у т ь.

Доброе это дѣло для тебя—пренебрегать твоими царскими обязанностями, и такое это выгодное дѣльце—жить въ лѣсу.

Да что́ говорить? Вотъ я стою здѣсь, Браманъ, и всѣ суставы у меня дрожать отъ этой вѣчной бѣготни за дикими звѣрями,—вотъ двинуться не могу. Прошу покорно, будь милостивъ ко мнѣ. Дай намъ вздохнуть, хоть на одинъ день.

Царь. (Къ самому себѣ).

Онъ такъ говорить. И я тоже, когда подумаю о дочери Канвы, не испытываю желанія охотиться. Ибо—

Лукъ натянуть, стрѣлы—вотъ,
Но стрѣлу я не пошлю
Въ ланей тѣхъ, что близъ нея,
Той, которую люблю.

Шутъ. (Наблюдая за Царемъ).

Говорить онъ одно, а думаетъ другое. Что же, значить я плакалъ въ лѣсу?

Царь. (Улыбаясь).

Что же еще я могу думать? Я какъ разъ о томъ размышлялъ, что нужно мнѣ послѣдовать дружескому совѣту.

Шутъ. (Весело).

Да живешь ты долгія лѣта. (Выпрямляется и хочетъ уйти).

Царь.

Подожди. Выслушай меня до конца.

Шутъ.

Слушаю.

Царь.

Когда ты отдохнешь, ты будешь мнѣ товарищемъ въ другомъ дѣлѣ—очень легкою.

Шутъ.

Щелкать сладкіе орѣшки?

Царь.

Я тебѣ сейчасъ скажу.

Шутъ.

Прошу покорно, повели мнѣ отдыхать.

Царь.

Есть тамъ кто-нибудь? (Входитъ Привратникъ).

Привратникъ.

Что повелишь, Государь?

Царь.

Раиватака, позови полководца.

Привратникъ.

Слушаю, Государь. (Выходитъ, и возвращается съ Полководцемъ). Иди за мной, властитель. Вотъ стоитъ Высокій Повелитель, онъ слушаетъ нашъ разговоръ. Подойди поближе, властитель.

Полководецъ.

(Наблюдая за Царемъ, къ самому себѣ).

Охоту считаютъ грѣхомъ, но Царю она ничего не приноситъ, кромѣ хорошаго. Посмотрите на него.

Выпрямилась грудь отъ напряженья
При спусканьи стрѣль отъ тетивы,
Весь онъ загорѣлъ подъ солнцемъ жгучимъ,
И ни капли пота на лицѣ,
Худошавъ, но мускулистъ и строенъ,
Соразмѣрно силенъ и красивъ,
Горный слонъ не можетъ съ нимъ сравниться
Жизненностью, видимой во всемъ.

Приближается). Побѣда Высокому Повелителю. Лѣсъ полонъ слѣдовъ отъ краснаго звѣря, добыча совсѣмъ близко. Что можетъ быть лучше охоты?

Царь.

Бгадрасена, пыль мой прошелъ. Мадгавія проповѣдовалъ тутъ противъ охоты.

Полководецъ. (Въ сторону, къ Шуту).

Настаивай, пріятель, на своемъ. Я позабавлю Царя. (Громко). Высокій Повелитель, Мадгавія не больше какъ болтунъ и глупецъ. Повелитель самъ можетъ посудить, зло охота или благо. Прими въ соображеніе:—

Тѣло охотника—въ мускулахъ, сильное, легкое,
Онъ научается видѣть у дикаго звѣря,
Какъ отражается страхъ или гнѣвность въ умѣ;
Знаетъ охотникъ высокое счастье—мѣтиться
Въ цѣль, что мѣняется быстро въ проворномъ движеніи.
Между усладъ—гдѣ такую другую найдешь.

Ш у т ь. (Сердито).

Поди ты. Уходи ты, пожалуйста, и издали превозноси подобную жизнь. Къ Царю вернулся его разсудокъ,—что до тебя, рабій сынъ, ты охоться, охоться, бѣги изъ лѣса въ лѣсъ, пока не попадешь въ пасть къ какому-нибудь старому медвѣдю, поджидающему дичины.

Ц а р ь.

Бгадрасена, совѣта твоего я не могу принять, потому что мы сейчасъ по близости отъ Пустыни. Итакъ, сегодня,—

Пусть въ прудкѣ рогатый буйволъ
Мутить воду какъ желаетъ,
Пусть олень въ тѣнистомъ мѣстѣ
Жвачку медленно жуетъ,
Вепри пусть у травъ болотныхъ
Ищутъ корень, топчутъ иль,
Лукъ мой гнулся на охотѣ,
Пусть онъ нынѣ отдохнетъ.

П о л к о в о д е ц ь.

Слушаю, Высокій Повелитель.

Ц а р ь.

Верни стрѣлковъ, которые вышли впередъ. И запрети воинамъ беспокоить Пустынь, или хотя бы приближаться къ ней. Помни:—

Въ отшельникѣ благоговѣйномъ
Всегда таится скрытый жаръ,—
Какъ въ нѣкомъ камнѣ драгоцѣнномъ,
Любимцемъ Солнца названъ онъ:—
Чуть блескъ другой къ нему приближенъ,
Онъ весь пылаетъ и горитъ.

Полководецъ.

Слушаю, Высокій Повелитель.

Ш у т ь.

Ну, уходи ты теперь съ своей лѣсной жизнью. (Полководецъ уходитъ).

Царь. (Къ Свить).

Снимите вашу охотничью одежду. А ты, Раиватака, вернись къ своей службѣ.

Привратникъ.

Слушаю, Государь. (Уходитъ).

Ш у т ь.

Ну, теперь ты освободился отъ нечисти. Присядь на тотъ плоскій камень, деревья раскинулись надъ нимъ тѣнистымъ сводомъ. Я не могу сѣсть на него, прежде чѣмъ не сядешь ты.

Царь.

Иди впередъ.

Ш у т ь.

Иди за мной. (Идутъ и садятся).

Ц а р ь.

Знаешь, Мадгавія, ты, пріятель, и не вѣдаешь, что есть зрѣніе. Ты не видалъ красивѣйшаго, что есть на свѣтѣ.

Ш у т ь.

Я вижу тебя, прямо передъ собой.

Ц а р ь.

Да, я знаю, каждый считаетъ себя красивымъ, но я говорилъ о Сакунталѣ, красѣ обители.

Ш у т ь. (Къ самому себѣ).

Подброшу ли дровецъ въ огонь. Нѣтъ. (Громко).

Но вѣдь она тебѣ не достанется, нельзя, она отшельница. Какой толкъ на нее смотрѣть?

Ц а р ь.

Глупый!

Ужель напрасное томленье

Влечетъ нашъ духъ на высоту,

Когда мы смотримъ неотступно,

Какъ всходитъ Новая Луна?

Притомъ же, мысли Душіанты ни на чемъ запретномъ не останавливаются.

Ш у т ь.

Хорошо, такъ Расскажи мнѣ про нее.

Ц а р ь.

Родившись отъ небесной дѣвы,
Здѣсь ею брошена была,
Капризница чуждалась дара,
И шаловливо прочь ушла.
Благочестивый же отшельникъ,
Взявъ дѣвочку, усыновилъ,
Цвѣтокъ жасмина благовонный
Возросъ на темномъ тростникѣ.

Ш у т ь. (Смѣясь).

Ты похожъ на человѣка, который, объѣвшись финиками, захотѣлъ кислаго тамаринда. Всѣ жемчужины дворца—твои, а тебѣ эта дѣвушка понадобилась.

Ц а р ь.

Ты, другъ, не видалъ ея, иначе бы ты такъ не говорилъ.

Ш у т ь.

Должно быть она очаровательна, если ты ей плѣнился.

Ц а р ь.

Другъ, зачѣмъ много словъ?

Замыслилъ ли ее Творецъ, какъ образъ,
И образу далъ творческую жизнь?

Помыслилъ ли всю красоту мірскую,
И создалъ такъ жемчужину любви?
Богинею любви она мнѣ снится
И знакомъ всемогущества Творца.

Шутъ.

Значить, женщины возненавидятъ ее.

Царь.

И я тоже думалъ объ этомъ.

Она цвѣтокъ, которымъ не дышали,
И жемчугъ, что своей оправы ждѣтъ,
И вѣтка, до которой не касались,
И свѣжій медъ, въ ячейкахъ цѣльныхъ сотъ.
Нѣтъ на землѣ такого человѣка,
Чтобъ смѣлъ упиться этой красотой,
И я не знаю, кто счастливѣцъ будетъ,
Чтобъ медъ тотъ пить, и грезить той мечтой.

Шутъ.

Такъ женись на ней поскорѣй, прежде чѣмъ бѣдняжка
достанется какому-нибудь отшельнику съ промасленной го-
ловой.

Царь.

Она зависить отъ отца своего, а его здѣсь нѣтъ.

Шутъ.

А какъ она къ тебѣ?

Царь.

Другъ, дѣвушки-отшельницы по самой природѣ своей
застѣнчивы. И однако же,—

Когда я былъ близко, она на меня не смотрѣла,
Она улыбалась—не мнѣ—и улыбкою скрытой,
Она не хотѣла—изъ скромности—выразить чувство,
Но чувство не очень старалась достаточно скрыть.

Шутъ.

А ты чего-жъ хотѣлъ,—чтобъ, какъ только тебя увидѣла,
такъ на колѣни къ тебѣ вскарабкалась?

Царь.

Но, когда она уходила съ своими подругами, она почти
показала, что любить меня.

Едва отъ меня отошла, вдругъ вскричала:—

„Идти не могу.“

Ко мнѣ повернулась, и платьемъ какъ будто

Задѣла, идя, за сучокъ.

Шутъ.

Оставила она тебѣ воспоминаніе,—есть чѣмъ попытаться.
То-то тебѣ такъ нравится благочестивая эта роша.

Царь.

Другъ, выдумай какой-нибудь предлогъ, чтобъ намъ можно
было вернуться въ Пустынь.

Шутъ.

Какой тебѣ предлогъ нуженъ? Развѣ ты не Царь?

Царь.

Что же въ томъ?

Шутъ.

Собирай подать съ отшельническаго риса.

Царь.

Глупецъ. Эти отшельники платятъ подать совсѣмъ другого рода,—полноцѣннѣе, чѣмъ полная пригоршни драгоценностей.

Когда мы беремъ отъ обычныхъ людей,
Мы тотчасъ же тратимъ богатство свое,
Они же такую святыню даютъ,
Которой богатства нетлѣнны вовеки.

Голоса за сценой.

Вотъ мы нашли его.

Царь. (Прислушиваясь).

Какіе важные и спокойные голоса. Это должно быть отшельники. (Входитъ Привратникъ).

Привратникъ.

Побѣда тебѣ, Государь. Тамъ ждутъ тебя два юные отшельника.

Царь.

Проси ихъ тотчасъ же войти.

Привратникъ.

Слушаю, Государь. (Выходитъ и возвращается съ Юношами).
Идите за мной.

Первый Юноша. (Смотря на Царя).

Какой величественный видъ, но онъ внушаетъ довѣріе.
Это и не удивительно въ Царѣ, который полусвятой. По-
тому что для него,—

Дворецъ роскошный служить какъ обитель,
Его правленье мудро и достойно,
Его заслуги—больше съ каждымъ днемъ,
Небесные его прославятъ хоры,
Двойною вознесенъ онъ будетъ пѣсней,
Какъ Царь, и какъ благой, когда царить.

Второй Юноша.

Скажи мнѣ, это Душіанта, другъ верховнаго Индры?

Первый Юноша.

Да, это онъ.

Второй Юноша.

Своей рукою городъ охраняя,
Ворота городскія онъ запретъ,
И сможетъ онъ одинъ сберечь отъ горя
Всю землю въ темномъ поясъ морей,
Затѣмъ что въ часъ, когда сражаютъ Боги
Рой Демоновъ,—его имъ служить лукъ,
И палица блистательнаго Индры,—
Въ нихъ двухъ сражаетъ Солнце вражій мракъ.

Двое Юношей. (Приближаясь).

Побѣда тебѣ, Государь.

Царь. (Вставая).

Привѣтствую васъ.

Двое Юношей.

Да снизойдутъ на тебя всѣ благословенія. (Они предлагаютъ ему плоды).

Царь.

(Принимая плоды, и низко кланаясь).

Могу я знать причину вашего прихода?

Двое Юношей.

Отшельники узнали, что ты здѣсь, и они просятъ...

Царь.

Они повелѣваютъ, вѣрнѣе.

Двое Юношей.

Дѣло въ томъ, Государь, что въ отсутствіе Отца-Отшельника злыя силы тревожатъ нашу благочестивую жизнь. Мы просимъ тебя поэтому, чтобы ты съ своимъ возницею проведъ нѣсколько ночей въ Пустыни, и защитилъ ее своимъ присутствіемъ.

Царь.

Я буду счастливъ сдѣлать это.

Шутъ. (Къ Царю).

Оно совсѣмъ недурно, что тебя здѣсь уловили?

Царь.

Раиватака, скажи моему возницѣ, чтобы онъ пріѣхалъ и привезъ мой лукъ и стрѣлы.

Привратникъ.

Слушаю, Государь. (Выходить.)

Двое Юношей.

Ты отпрыскъ достойный царей,
Что правили нашимъ народомъ,
Давая защиту всѣмъ тѣмъ,
Кто въ этой заботѣ нуждался.

Царь.

Прошу, идите впередъ. Я прибуду за вами слѣдомъ.

Двое Юношей.

Побѣда тебѣ, Государь. (Уходятъ).

Царь.

Скажи, Мадгавія, любопытно тебѣ увидать Сакунталу?

Шутъ.

Любопытствовалъ бесконечно, но эти рассказы о злыхъ силахъ любопытство мое сократили вовсе.

Царь.

Не бойся, ты будешь со мной.

Шутъ.

Прилипну къ колесу твоему. (Входитъ привратникъ).

Привратникъ.

Колесница готова, Государь, и ждетъ твоего отбытія. Но нѣкій Карабгака прибылъ изъ города вѣстникомъ отъ Царицы-Матери.

Царь. (Съ почтительностью).

Отъ матери моей?

Привратникъ.

Да.

Царь.

Пусть онъ войдетъ. (Привратникъ выходитъ и возвращается съ Карабгакой).

Привратникъ.

Вотъ—Государь, ты можешь подойти поближе.

Карабгака.

(Приближаясь и низко кланяясь).

Побѣда тебѣ, Государь. Царица-Мать повелѣваетъ...

Царь.

чемъ ея повелѣніе?

Карабгака.

На четвертый день отъ сегодня она постановляетъ окончить обрядъ поста. И по этому случаю возлюбленный ея сынъ да не преминетъ быть съ нею.

САКУНТАЛА.

Царь.

Съ одной стороны мои обязанности по отношенію къ отшельникамъ, съ другой повелѣніе моей матери. Ни тѣмъ, ни другимъ пренебречь нельзя. Какъ же быть?

Шутъ. (Смѣясь).

А будь на полдорогѣ, между небомъ и землею.

Царь.

Поистинѣ, я смущенъ.

Два долга несовмѣстные

Мой раздѣлили духъ,

Рѣка такъ раздѣляется,

Ударясь о скалу.

(Онъ размышляетъ). Другъ, Царица-Мать всегда любила тебя какъ сына. Вернись и скажи ей, что обязанности удерживаютъ меня здѣсь, а самъ исполни при ней обязанности сына.

Шутъ.

Вѣдь ты же не думаешь, что я боюсь дьяволовъ?

Царь. (Улыбаясь).

О, могучій Браманъ, какъ могъ бы я заподозрить подобное?

Шутъ.

Но я желаю путешествовать какъ принцъ.

Царь.

Я пошлю съ тобой всѣхъ воиновъ, чтобы они не тревожили благочестивую рошу.

Шутъ. (Выступая съ важностью).

Ага! Поглядите-ка на наслѣднаго Принца.

Царь. (Къ самому себѣ).

Онъ порядочный болтунъ. Онъ, пожалуй, способенъ разсказать о моей влюбленности дворцовымъ женщинамъ. Хорошо же. (Беретъ Шута за руку. Громко). Другъ Мадгавія, я отправлюсь въ Пустынь изъ-за почтенія къ отшельникамъ. Не думай, что я дѣйствительно полюбилъ дѣвушку - отшельницу. Сообрази только:—

Царь—и дѣвушка, живущая въ спокойствіи въ лѣсу

Вмѣстѣ съ ланями, не вѣдая что значить полюбить.

Такъ не думай же, что вправду я здѣсь сердце потерялъ,

Я шутилъ съ тобой,—не болѣе какъ шутка было все.

Шутъ.

О, конечно, само собой. (Оба уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Входитъ Ученикъ съ священной травой для жертвоприношенія).

Ученикъ.

(Въ задумчивомъ удивленіи).

Какъ велика власть Царя Душіанты. Со времени его бытія обряды наши совершаются безпрепятственно.

Ему и лука сгибать не нужно,
Ему не надо спустить стрѣлу,
Чуть тетивою онъ поиграетъ,
Бѣжить все злое, страшась его.

Прекрасно, я возьму эту священную траву для жрецовъ, чтобъ усыпать ею алтарь. (Онъ ходитъ и осматривается, потомъ говорить къ кому-то невидимому). Пріамвада, кому несешь ты эту кускусовую мазь и волокнистые листья лотоса? (Слушается). Что ты говоришь? Что Сакунтала не на шутку занемогла отъ жары, и что все это для нея, чтобъ облегчить ея страданія? Походи за ней хорошенько, Пріамвада. Безъ нея Отцу-Отшельнику прямо не жить. И я дамъ Гаутами святой воды для нея. (Выходить. Входитъ влюбленный Царь).

Царь. (Съ задумчивымъ вздохомъ).

Я знаю, что сила свершенья обѣтовъ
Имѣетъ надъ этою дѣвушкой власть,
Но все мое сердце влечется къ ней прямо,
Какъ прямо сбѣгаетъ съ утеса потокъ.

О, богъ Любви, могучій богъ, твои стрѣлы сдѣланы изъ цвѣтовъ. Какъ же могутъ онѣ быть такими острыми? (Онъ что-то вспоминаетъ). А, понимаю.

Хоть холоденъ Мѣсяцъ, но пламя въ немъ ярое тлѣетъ,
Огонь пожирающій Сивы пылаетъ въ тебѣ,
Какъ вѣчный огонь, хоть незримый, горитъ и сверкаетъ
Подъ пропастью темныхъ морей.

Да, и Мѣсяцъ и ты, вы внушаете довѣріе только для того, чтобъ обмануть сонмы влюбленныхъ.

Цвѣточныя—стрѣлы твои,
И холоденъ Мѣсяцъ въ ночи,
Объ этомъ намъ въ пѣсняхъ твердятъ,
Но это съ влюбленнымъ не такъ.
Отъ холода лунныхъ лучей
Влюбленное сердце горитъ,
Цвѣточныя стрѣлы твои
И рѣжутъ и колютъ и жгутъ.

И однако же—

Если богъ Любви смутить ее,
Чьи глаза меня безумятъ,
Я его безтрепетно зову,
Имъ всечасно уязвленный.

О, мощный богъ, ты не явишь мнѣ милосердія—послѣ такихъ укоризнъ?

Тебя я съ нѣжностью лелѣялъ
На утрѣ дней,
Напрасно, лукъ твой угрожаетъ,
Стрѣла—ко мнѣ,
За попеченье мнѣ отплата—
Я весь пронзенъ.

Я прогналъ злыя силы, жертва свершена, отшельники меня отпустили. Куда пойду, гдѣ отдохну отъ усталости? (Вздыхаетъ). Нѣтъ мнѣ покоя ни въ чемъ, лишь бы видѣть

ее, ту, кого я люблю. (Смотрить на Солнце). Въ эти жаркіе часы полудня она обыкновенно бываетъ съ своими подругами на берегахъ Малини, увитыхъ лозой. Пойду туда. (Идетъ и осматривается). Я думаю, что здѣсь какъ разъ проходила сейчасъ стройная дѣвушка по этой аллеѣ молодыхъ деревьевъ. Потому что—

Стебли, съ которыхъ срывала цвѣты она,
Свѣжею раной глядятъ,
Сокъ, гдѣ надломлены вѣтки зеленыя,
Вотъ, не сгустился еще.

(Чувствуетъ свѣжее дуновение вѣтерка). Какое пріятное здѣсь мѣсто, и этотъ вѣтеръ межъ вѣтвей какъ пріятень.

Все тѣло, объятое жаромъ любви,
Привѣтствуетъ ласковый тотъ вѣтерокъ,
Которому лотосъ даетъ аромать,
И пѣну воздушную водный потокъ.

(Внимательно разсматриваетъ почву). А, Сакунтала навѣрно въ той бесѣдкѣ изъ тростника. Я вижу—

Желтый у двери песокъ,
Свѣжіе свѣтятъ слѣды,
Пальцы нажаты едва,
Пятка же четко видна.

Я спрячусь среди вѣтвей, и посмотрю, что будетъ дальше. (Прячется. Радостно). А, небо очей моихъ открылось мнѣ. Вонъ любимица мыслей моихъ. Она лежитъ на каменной скамѣ, усыпанной цвѣтами. За ней ухаживаютъ двѣ ея по-

други. Хочу слышать, что говорятъ онѣ другъ другу. (Стоить и смотреть. Входитъ Сакунтала съ двумя своими подругами).

Двѣ Подруги.

(Омахиваютъ ее листьями лотоса).

Тебѣ лучше, милая, когда мы вѣдемъ на тебя этими листьями лотоса?

Сакунтала. (Устало).

О, вы вѣдете на меня, милые мои? (Двѣ Подруги смотрятъ озабоченно одна на другую).

Царь.

Она серьезно больна. (Съ сомнѣніемъ). Это жара, или это то, на что я надѣюсь? (Рѣшительно). Это должно быть то:—

Умашенная грудь ея свѣтится,

На рукѣ ожерелье изъ лотосовъ порвано,

Какъ неможется милой любимицѣ,

Какъ красива она въ этомъ нѣжномъ страданіи.

И хоть кажется схожимъ по дѣйствию

То, что лѣто горитъ и любовь горячительна,

Никогда оттого лишь, что жарко ей,

Не бываетъ такъ дѣвушка нѣжно-плѣнительна.

Пріамвада. (Въ сторону къ Анасуйѣ).

Анасуйя, съ тѣхъ поръ какъ въ первый разъ она увидала Царя, она въ такой тревогѣ. Я не думаю, чтобъ лихорадка ея была отъ другой причины.

Анасуя.

Подозрѣваю, что ты права. Я спрошу ее. Милая, мнѣ нужно что-то тебя спросить. У тебя сильный жаръ.

Царь.

Это похоже на правду.

Перевязь лотосовъ бѣлой была,
Точно Луна ихъ сіяньемъ зажгла,
Лотосы вянуть, темнѣя на ней,
Лотосы вянуть отъ жаркихъ огней.

Сакунтала. (Полупривставая).

Хорошо, скажи, что ты хочешь сказать.

Анасуя.

Сакунтала, милая, ты не повѣдала намъ, что у тебя на умѣ. Но я сказки слыхала, старинныя сказки, и вотъ не могу отогнать одной мысли,—что всѣ твои чувства—какъ чувства той, которая любить.—Прошу тебя, Расскажи намъ, что тебя мучить. Намъ нужно понять недугъ, прежде чѣмъ мы сможемъ попытаться вылѣчить его.

Царь.

Анасуя выражаетъ собственныя мои мысли.

Сакунтала.

Это мучаетъ меня ужасно. Я не могу вамъ сказать этого сразу.

Пріамвада.

Милая, Анасуйя права. Почему скрываешь ты тоску свою? Ты увядаешь съ каждымъ днемъ. Ты не больше какъ красивая тѣнь самой себя.

Царь.

Пріамвада говоритъ правду.

Щеки ея поблѣднѣли, плечи ея упадаютъ,
Грудь выражаетъ истому, краски сбѣжали съ лица,
Такъ истомилась любовью, какъ вянетъ, блѣднѣя, ліана
Подъ дуновеньемъ вѣтровъ знойно-палящаго дня.

Сакунтала. (Вздыхая).

Никому другому не могла бы я сказать. А васъ буду жалобами томить.

Двѣ Подруги.

Потому мы и настаиваемъ, милая. Чтобы выносить скорбь нужно дѣлиться ею.

Царь.

Подругамъ, что радость и горе съ ней дѣлятся,
Она говоритъ о причинѣ тоски,
И смотритъ въ себя, провѣряетъ мгновенье,
То, первое,—страшно узнать мнѣ отвѣтъ.

Сакунтала.

Съ тѣхъ самыхъ поръ—какъ увидала я Царя, что охраняетъ благоговѣйную рощу—(Останавливается въ тревогѣ).

Двѣ Подруги.

Милая, говори дальше.

Сакунтала.

Я томлюсь—я люблю его—оттого я такая.

Двѣ Подруги.

Хорошо, хорошо. Ты нашла любимого, достойного любви твоей. Но куда же большой рѣкъ и бѣжать, какъ не въ море.

Царь. (Радостно).

Я услышалъ, что жаждаль слышать.

Такъ значить, та жаркая пытка—любовь,

Ту боль отъ огня укрощаетъ—любовь,

Какъ будто бы въ жаркій удушливый день

Вдругъ ливень прорвался—съ нимъ свѣжесть

и тѣнь.

Сакунтала.

Такъ если вы любите меня немножко, сдѣлайте такъ, чтобы добрый царь пожалѣлъ меня. А если нѣтъ, помните, что я лишь была.

Царь.

Ея слова—конецъ сомнѣнья.

Пріамвада. (Въ сторону къ Анасуйѣ).

Анасуйя, она далеко зашла въ любви, и больше не можетъ ждать.

Анасуיה.

Пріамвада, ты не можешь придумать что-нибудь, чтобы мы выполнили ея желаніе быстро и тайно ото всѣхъ?

Пріамвада.

Нужно придумать, какъ сдѣлать тайно. Быстро, это не трудно.

Анасуיה.

Какъ такъ?

Пріамвада.

Царь любитъ ее,—это видно въ томъ, какъ онъ нѣжно на нее смотреть. И онъ совсѣмъ исхудаль, точно лишился сна.

Царь.

Это совершенно вѣрно.

Всю ночь по рукѣ утомленной
Запястья мои золотыя
Скользятъ, задѣвая за шрамы,
Тѣ знаки боевъ и ловитвъ.
И льются горячія слезы,
И злато онѣ запятнали,
И слезы мои затемнили
Огонь драгоцѣнныхъ камней.

Пріамвада. (Размышляя).

Вотъ что, она должна написать ему любовное письмо. А я спрячу его въ пучкѣ цвѣтовъ и сдѣлаю такъ, что онъ

попадетъ въ руки Царю, какъ будто это цвѣты, оставшіеся отъ жертвоприношенія.

Анасуя.

Очень хорошо, милая, мнѣ твоя мысль нравится. Что скажетъ Сакунтала?

Сакунтала.

Мнѣ кажется, что мнѣ нужно слушаться, когда приказываютъ.

Пріамвада.

Такъ сочини маленькую любовную пѣсенку, и въ ней намекни на себя.

Сакунтала.

Я попробую. Но сердце мое трепещетъ,—а вдругъ онъ воспрезритъ меня.

Царь.

Онъ здѣсь, онъ здѣсь, который любить,

А ты въ сомнѣньяхъ о любви,

Боишься, какъ бы твой любимый

Вдругъ не отвергъ твою любовь.

Кто ищетъ счастья, тотъ находитъ

Иль не находитъ счастья онъ,—

Но, если счастье ищетъ счастья,

Какъ можетъ счастья не найти?

И какъ любовь твою отвергнуть,

Когда богиня ты любви?

И жемчугамъ искать не нужно,

Затѣмъ что ищутъ жемчуговъ.

Двѣ Подруги.

Ты слишкомъ скромнаго мнѣнія о своемъ очарованіи. Развѣ будетъ кто-нибудь заслоняться отъ освѣжительнаго дѣйствія осенней Луны.

Сакунтала. (Улыбаясь).

Мнѣ кажется, что мнѣ нужно слушаться, когда приказываютъ. (Размышляетъ).

Царь.

Это понятно мнѣ, я глазомъ моргнуть не могу, когда вижу возлюбленную. Вотъ—

Слова ища подходящаго,
Бровку одну подняла,
Точно ліана воздушная
Тянется вверхъ.
И на щекахъ горячительно
Всталъ еле видный пушокъ,
Этимъ являя, что милая
Любитъ меня.

Сакунтала.

Ну, вотъ, я придумала маленькую пѣсенку. Но чѣмъ же и на чемъ же мнѣ ее написать?

Пріамвада.

Вотъ листъ лотоса, онъ лоснится, какъ перья на груди у попугая. Ногтями ты можешь вырѣзать буквы на немъ.

Сакунтала.

Слушайте же, и скажите мнѣ, есть ли тутъ какой смыслъ.

Двѣ Подруги.

Говори.

Сакунтала. (Читаетъ).

Сердце твое я не знаю,—знаю одно:—

Лишь о тебѣ я помыслию, сердце мое смущено.

Такъ вотъ и думаю думу ночью и днемъ,

Лишь объ источникѣ боли, только о немъ.

Царь. (Выступая впередъ).

Если любовь тебя мучаетъ, дѣва моя,

Испепеленъ я любовью, пепель и зарево я.

Солнце, съ разсвѣтомъ, туманить свѣтомъ Луну,

Лотось ночной, закрываясь, глядитъ въ глубину.

Двѣ Подруги.

(Видя Царя, встаюгъ, радостно).

Благословеннымъ да будетъ желаніе, что выполняется безъ промедленія. (Сакунтала пытается встать).

Царь.

Не вставай, не вставай, красивая Сакунтала.

Ты вся полна изнеможенія,

Обрядъ учтивости забудь,

Прошу, лежи, благоуханная,

На быстро вянущихъ цвѣтахъ.

Сакунтала.

(Съ грустью къ самой себѣ).

Сердце мое, ты же такъ нетерпѣливилось,—а теперь не находишь что сказать.

Анасуя.

Государь, сдѣлай честь скамьѣ этой, присядь на нее. (Сакунтала подвигается).

Царь. (Садится).

Пріамвада, я хочу думать, что нездоровье вашей подруги неопасно.

Пріамвада. (Улыбаясь).

Лѣкарство примѣнили, скоро будетъ лучше. Ясно, Владыка, что ты и она, вы любите другъ друга. Но я тоже люблю ее, и мнѣ нужно что-то тебѣ сказать.

Царь.

Прошу, говори безъ колебаній. Оставить не сказаннымъ то, что хочется сказать, всегда въ концѣ концовъ причиняетъ боль.

Пріамвада.

Такъ слушай же, Владыка.

Царь.

Слушаю внимательно.

Пріамвада.

Оберегать отшельниковъ отъ всякихъ бѣдъ, это долгъ Царя. Не сказано ли это въ Писаніи?

Царь.

Самымъ достовѣрнымъ образомъ.

Пріамвада.

Такъ вотъ, подруга наша въ такомъ жалостномъ состояніи изъ-за любви къ тебѣ. Пожалѣй ее и спаси ей жизнь.

Царь.

Мнѣ только этого и хочется. Я вижу въ этомъ большую честь.

Сакунтала. (Съ ревнивой улыбкой).

Пріамвада, зачѣмъ ты удерживаешь добраго Царя? Вѣдь онъ въ разлукѣ съ придворными женщинами, онъ только о томъ и думаетъ, какъ бы поскорѣй туда вернуться.

Царь.

Меня твой взоръ зачароваль,

Желанная,

Лишь близь тебя хочу я быть,

Любимая.

Зачѣмъ же судишь ты меня

Невѣрно такъ?

Зачѣмъ же ранишь, если я

Ужъ раненый?

Анасуяя.

Но, Государь, у царей, какъ мы слышали, много любимыхъ. Смотри, сдѣлай такъ, чтобы подруга наша не была огорченіемъ для семьи своей.

Царь.

Что еще могу сказать?

Хоть при дворѣ красавицъ много,
Но будетъ править вмѣстѣ съ ней
Лишь опоясанная Моремъ,
Зеленолистая Земля.

Двѣ Подруги.

Мы рады тогда. (Сакунтала выказываетъ свою радость).

Пріамвада.

(Въ сторону къ Анасуйѣ).

Посмотри, Анасуйя, какъ съ каждой минутой жизнь возвращается къ нашей милой Сакунталѣ. Точно пава она оживляется лѣтомъ, когда первый съ дождемъ придетъ свѣжій вѣтерокъ.

Сакунтала.

Мы должны просить у Царя прощенія за тѣ гадкія слова, которыя мы говорили.

Двѣ Подруги. (Улыбаясь).

Кто говоритъ, что онъ гадкія слова говорилъ, пусть тотъ и проситъ прощенія. Никто другой не чувствуетъ себя виновнымъ.

Сакунтала.

Государь, прости насъ за то, что мы говорили, не зная, что ты тутъ вблизи. Я боюсь, что за спиной у человѣка много мы всякаго говоримъ.

САКУНТАЛА.

Царь. (Улыбаясь).

Твоя вина простилась,
Коль я могу сидѣть
На томъ цвѣточномъ ложѣ,
Гдѣ ты сейчасъ лежишь.

Пріамвада.

Но этого для него не довольно будетъ.

Сакунтала.

(Съ притворнымъ гнѣвомъ).

Замолчи. Ты гадкая дѣвушка. Ты смѣешься надо мной,
когда я въ такомъ затрудненіи.

Анасуя. (Выглядывая изъ куста).

Пріамвада, тутъ маленькая лань, вѣрно потеряла мать
свою и все смотритъ. Я хочу ей помочь.

Пріамвада.

Ишь какая попрыгунья. Не поймаетъ. Я пойду съ тобой.
(Онѣ хотятъ уйти).

Сакунтала.

Вы не должны уходить, не оставляйте меня одну.

Двѣ Подруги. (Смѣясь).

Тебя одну,—когда Царь міра съ тобой. (Уходятъ).

Сакунтала.

Мои подруги ушли?

Царь. (Осматриваясь).

Не тревожься, красивая Сакунтала. Развѣ нѣтъ съ тобой смиреннаго слуги здѣсь, чтобы замѣнить тебѣ твоихъ по-другъ? Такъ скажи мнѣ:—

Этимъ влажнымъ листомъ благовоннаго свѣжаго лотоса
Мнѣ не свѣять ли все утомленье съ тебя и печаль?
Или ножки твои, эти малыя ножки лилейныя,
Положить на колѣни къ себѣ, и тихонько ласкать?

Сакунтала.

Я не хочу прегрѣшить противъ тѣхъ, кому обязана я честью. (Встаетъ, выказывая слабость, и хочетъ отойти).

Царь. (Удерживая ее).

День еще зноенъ, красивая Сакунтала, а у тебя жаръ.

Не оставляй покойную постель,
Усыянную нѣжными цвѣтами,
Не сбрасывай лилейныхъ лепестковъ
Съ горячей груди, дышащей тревожно.
Не уходи, ты вся истомлена,
Не уходи невѣрною походкой.
(Удерживаетъ ее).

Сакунтала.

Не надо! Не надо! Я во власти любви, сынъ Пуру. Соблюди должное. Мнѣ некого просить о помощи.

Царь.

Это упрекъ мнѣ?

Сакунтала.

Я не о тебѣ говорила, Властитель. Я обвиняла Судьбу.

Царь.

Зачѣмъ же обвинять Судьбу, дающую тебѣ то самое, чего ты хочешь?

Сакунтала.

Какъ же не обвинять мнѣ Судьбу, если она отнимаетъ у меня самообладаніе и такъ искушаетъ меня достоинствами другого?

Царь. (Къ самому себѣ).

Хоть дѣвушки и жаждутъ,

Но робкія онѣ,

Хотя любви желаютъ,

Но заставляютъ ждать.

И пусть любовь ихъ жалитъ,

Она не мучитъ ихъ,

Онѣ скорѣе мучатъ,

Отсрочкою, любовь.

(Сакунтала отходитъ).

Царь.

Почему не выполню желаніе мое? (Приближается, и хватать ее за одежду).

Сакунтала.

О, Владыка. Будь какъ должно быть. Тамъ ходятъ отшельники.

Царь.

Не бойся семьи своей, красивая Сакунтала. Отецъ Канва знаетъ священный законъ. Онъ не будетъ жалѣть объ этомъ.

И развѣ не сказано
Въ преданіяхъ истинныхъ,
Что многія дѣвушки
За мудрымъ ушли,
По выбору вольному,
Безъ всякихъ свидѣтелей,
И это супружество
Признали отцы.

(Осматривается). Ахъ, я вышелъ въ открытое мѣсто. (Остается Сакунталу и возвращается туда, гдѣ былъ).

Сакунтала.

(Дѣлаетъ шагъ, потомъ поворачивается назадъ съ живымъ движеніемъ руки).

О, Властитель, я не могу сдѣлать того, что ты хочешь. Вѣдь ты меня совсѣмъ не знаешь, мы только чуть-чуть говорили съ тобой. Но не забывай меня. О, не забудь.

Царь.

Если вечеръ приходитъ, отъ дерева тѣнь удаляется,
И далеко уходитъ, но все же она не уйдетъ,
Такъ, любимая, ты,—гдѣ бы ты ни была, о, желанная,
Никогда не отступитъ отъ сердца тоска по тебѣ.

Сакунтала.

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ. Къ самой себѣ).

О, о! Когда я слышу, что онъ такъ говоритъ, ноги мои не хотятъ уходить. Я спрячусь здѣсь, за амарантовой изгородью, и посмотрю, долго ли продлится его любовь. (Прячется и ждетъ).

Царь.

О, любимая, моя любовь къ тебѣ—вся моя жизнь, а ты оставляешь меня и уходишь, и не подумаешь обо мнѣ.

Тѣло твое, точно сирись цвѣтокъ,

Взглянешь, и вся загорается страсть,—

Какъ же возможно, что сердце твое

Жестко, какъ стебель, гдѣ сирись цвѣтетъ?

Сакунтала.

Когда я слышу это, нѣтъ у меня власти уйти.

Царь.

Что мнѣ дѣлать здѣсь, гдѣ ея нѣтъ? (Смотрить на землю).

О, я не могу уйти.

Перевязь изъ лотосовъ,

Что на ней была,

Оковала сердце мнѣ,

Сердце какъ въ тюрьмѣ.

(Благоговѣйно поднимаетъ перевязь).

Сакунтала. (Смотря на свою руку).

Что же это,—я была такъ слаба, что когда запястье изъ лотосовъ упало, я даже этого не замѣтила.

Царь.

(Прижимая запястье изъ лотосовъ къ сердцу).

О!

Ты раньше лежало на милой рукѣ,

Ты будешь на сердцѣ моемъ,

Хоть радости дать мнѣ не хочетъ она,

Я радость въ игрушкѣ нашель.

Сакунтала.

Я больше не могу удерживаться. Я скажу, что я потеряла мое запястье. (Приближается).

Царь. (Видя ее, радостно).

Царица жизни моей. Едва я началъ сѣтовать, Судьба оказалась благою ко мнѣ.

Едва только птица пропѣла,

Что жарко, что хочется пить,

Какъ облачко въ небѣ сгустилось,

И свѣжій заискрился дождь.

Сакунтала. (Стоя передъ Царемъ).

Владыка, когда я уходила, я вспомнила, что съ руки у меня упало запястье изъ лотосовъ, и я вернулась за нимъ. Сердце мое мнѣ сказало, что, вѣрно, ты его взялъ. Прошу, отдай мнѣ его, а то ты выдашь меня, и себя также, отшельникамъ.

Царь.

Отдамъ—съ однимъ условіемъ.

Сакунтала.

Съ какимъ?

Царь.

Что я самъ надѣну его туда, куда нужно.

Сакунтала. (Къ самой себѣ).

Что мнѣ дѣлать? (Приближается).

Царь.

Сядемъ на эту каменную скамью. (Они идутъ къ скамьѣ и садятся на нее).

Царь. (Беря Сакунталу за руку).

А!

Когда негасимымъ огнемъ

Сжегъ Сива любовное древо,

Судьба не спасла ли тамъ вѣтвь,

Чтобъ сердце упилось расцвѣтомъ?

Сакунтала.

(Чувствуя его прикосновеніе).

Спѣши, милый, спѣши.

Царь. (Радостно къ самому себѣ).

Теперь я доволенъ. Она говоритъ какъ жена съ мужемъ. (Громко). Красивая Сакунтала, запястье не слишкомъ крѣпко сжимаетъ. Могу я закрѣпить его иначе?

Сакунтала. (Улыбаясь).

Если хочешь.

Царь.

(Искусно медля, прежде чѣмъ онъ дѣлаетъ это).

Смотри, красивая моя.

Запастье изъ лотосовъ блистательно бѣлое,

Какъ Мѣсяца серпъ молодой.

Быть можетъ, то Мѣсяцъ спаялъ заостренія

И такъ снизошелъ съ высоты,

Рѣшивъ, что рука твоя, нѣжная, бѣлая,

Усилить его красоту.

Сакунтала.

Я не вижу его. Душистая пыльца отъ лотоса, что у меня въ волосахъ надъ ухомъ, попала мнѣ въ глаза.

Царь. (Улыбаясь).

Позволишь мнѣ сдунуть?

Сакунтала.

Я не хочу, чтобы меня жалѣли, какъ бѣдненькую. Но почему бы мнѣ не довѣриться тебѣ?

Царь.

Прогони такія мысли. Новый слуга не ослушивается приказаній.

Сакунтала.

Это чрезмѣрная учтивость, она пугаетъ меня.

Царь. (Къ самому себѣ).

Обязательствъ я не нарушу сладкой этой неволи. (Стремительно старается приподнять ея лицо къ своему. Сакунтала борется немного, потомъ уступаетъ).

Царь.

Милая дѣвушка, ворожея моя, не бойся меня. (Сакунтала устремляетъ на него быстрый взглядъ, потомъ потупляетъ глаза. Въ сторону).

Чуть трепещутъ эти губы,
И дѣвически зовутъ,
Чтобъ душа къ нимъ прикоснулась,
И блаженства испила.

Сакунтала.

Милый, ты медлишь исполнить обѣщаніе.

Царь.

Лотосъ въ твоихъ волосахъ такъ близко отъ твоего глаза, и такъ похожъ на него, что я смѣшалъ ихъ. (Тихонько дуетъ ей на глаза).

Сакунтала.

Благодарю. Теперь я могу видѣть совсѣмъ хорошо. Но мнѣ стыдно, что я ничѣмъ не могу отплатить за твою доброту.

Царь.

Что могу попросить?

Какъ надъ лотосомъ душистымъ
Вьется звонкая пчела,
Не довольно ль мнѣ услады
Подышать твоимъ лицомъ?

Сакунтала.

А что дѣлаетъ пчела, когда она недовольна?

Царь.

Вотъ что! Вотъ что! (Притягиваетъ ея лицо къ своему).

Голосъ за сценой.

Невѣсточка, цесарочка, скажи дружкѣ прощай. Ужъ ночь идетъ.

Сакунтала.

(Прислушиваясь, взволнованно).

О, милый, это Мать Гаутами идетъ меня провѣдать. Молю, спрячься среди вѣтвей. (Царь прячется. Входитъ Гаутами съ чашей въ рукѣ).

Гаутами.

Вотъ святая вода, дитя мое. (Смотритъ на Сакунталу и помогаетъ ей приподняться). Такъ худо тебѣ, и одна здѣсь съ Богами?

Сакунтала.

Всего съ минутку, какъ Пріамвада и Анасуйя пошли къ рѣкѣ.

Гаутами.

(Окропляетъ Сакунталу святой водой).

Живи долго и счастливо, дитя мое. Лихорадка спала? (Ощупываетъ ее).

Сакунтала.

Мнѣ получше, Мать.

Гаутами.

Солнце садится. Вставай, идемъ домой.

Сакунтала.

(Привставая, со слабостью. Къ самой себѣ).

Сердце мое, ты колебалось и медлило, когда желанье твое пришло къ тебѣ. А теперь смотри, что ты сдѣлало. (Дѣластъ шагъ и оборачивается. Громко). Прощай, тѣнистая бесѣдка, ты облегчила мою боль. До новой минуты благодатной. (Сакунтала и Гаутами уходятъ).

Царь.

(Приближаясь со вздохомъ).

Сколько препятствій на дорогѣ къ счастью.

Она, красивоокая, смотрѣла,
Рѣсницами полужакрывъ глаза,
Съ полуотказомъ, съ полупозволеньемъ,
Прижавши палецъ къ розовой губѣ,
И голову къ плечу она склоняла,
Ея лицо я могъ слегка поднять,
Но самъ былъ полонъ трепетнымъ бореньемъ,
О, почему смѣлѣе не былъ я?

Куда пойду теперь? Помедлю еще минуту въ этой бесѣдкѣ, гдѣ лежала моя желанная. (Осматривается).

Вотъ каменное ложе, покрытое цвѣтами,
На лотосѣ увядшемъ любовное письмо,
Цвѣточное запястье, которое упало,
Пахучихъ водныхъ лилій въ немъ стебли сплетены,
Вотъ здѣсь она лежала, и все чаруетъ взоры,

Я не имѣю власти отсюда отойти,
Присутствіе желанной во всемъ я ощущаю,
Въ бесѣдкѣ тростниковой все милою полно.

(Размышляетъ).

Увы! я дурно сдѣлалъ, что медлилъ и колебался, когда я
нашелъ любовь мою. И теперь ужь—

Если вновь я съ нею встрѣчусь,
Колебанья прогону,
Счастье быстро улетаетъ,
Говорю такъ въ сердцѣ я,
Въ глупомъ сердцѣ, оробѣвшемъ,
А придетъ, и я смущусь.

Голосъ за сценой.

О, Царь!

Вотъ вечерній алтарь засвѣтился,
Пламя жертвы идетъ высоко,
Но, какъ грозныя, красныя тучи,
Привидѣнья толпятся кругомъ,
Исполинскія тѣни бросая,
Что уходятъ до самыхъ небесъ.

Царь.

(Прислушиваясь. Съ рѣшительностью).

Иду. (Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Входятъ двѣ Подруги, собирая цвѣты).

Анасуѣя.

Пріамвада, теперь наша милая Сакунтала надлежащимъ образомъ вступила въ вольное супружество, и супругъ ея достоинъ ея. И однако же я беспокоюсь.

Пріамвада.

О чемъ?

Анасуѣя.

Жертвоприношеніе свершено, и отшельники сегодня отпустили добраго Царя. Онъ вернулся въ городъ, а тамъ онъ окруженъ сотнями придворныхъ женщинъ. Я спрашиваю себя, вспомнить ли онъ бѣдную Сакунталу или нѣтъ.

Пріамвада.

Тебѣ нечего объ этомъ беспокоиться. Люди съ такимъ красивымъ ликомъ не могутъ не быть благими. Но тутъ есть о чемъ другомъ подумать. Я не знаю, что скажетъ Отецъ, когда онъ вернется изъ паломничества и услышитъ объ этомъ.

Анасуѣя.

Я думаю, онъ будетъ доволенъ.

Пріамвада.

Почему?

Анасуяя.

А почему нѣтъ? Ты знаешь, вѣдь онъ хотѣлъ отдать свою дочь достойному возлюбленному. Если сама Судьба это выполнила, почему бы Отецъ не быть счастливымъ?

Пріамвада.

Хочу думать, что ты права. (Смотритъ на свою цвѣточную корзинку). Милая, мы собрали достаточно цвѣтовъ для жертвенника, они ужъ томятся по жертвоприношенію.

Анасуяя.

Но мы должны сдѣлать приношеніе богамъ, которые блюдутъ супружеское счастье Сакунталы. Лучше намъ собрать побольше цвѣтовъ.

Пріамвада.

Хорошо, конечно. (Онъ собираютъ цвѣты).

Голосъ за сценой.

Кто привѣтитъ меня, приходящаго?

Анасуяя. (Прислушиваясь).

Милая, тамъ гость какой-то пришѣлъ.

Пріамвада.

Сакунтала дома. (Размышляя). Да, но сегодня сердце ея далеко. Пойдемъ, у насъ достаточно цвѣтовъ. (Собираются уходить).

Голосъ за сценой.

Ты осмѣливаешься пренебрегать такимъ гостемъ, какъ я?

За то, что всѣмъ сердцемъ ослѣпшимъ

Прилипла къ любимому ты,

Меня не увидѣвъ, который

Всю жизнь въ покаяньи провелъ,

Тебя да не вспомнить ушедшій,

Слова да забудеть свои,

Да будетъ—какъ хмелю подвластный,

А ты—какъ забытый разсказъ.

Двѣ Подруги слушаютъ и выказываютъ глубокое огорченіе).

Пріамвада.

О, милая! То случилось, чего и нужно было бояться.
Сакунтала разсѣялась, и оскорбила какого-нибудь достойнаго
человѣка своимъ невниманіемъ.

Анасуя. (Глядя впередъ).

Милая, это не первый встрѣчный. Это великій мудрецъ
Дурвасасъ, гнѣвный. Смотри, какъ онъ шагаетъ.

Пріамвада.

Ничто такъ не горитъ, какъ огонь. Бѣги, упади къ его
ногамъ, приведи его обратно, а я приготовлю воды омыть
ему ноги.

Анасуя.

Бѣгу. (Уходитъ).

Пріамвада. (Спотыкаясь).

Вотъ еще. Я споткнулась впопыхахъ, и корзинка съ цвѣтами упала у меня изъ рукъ. (Собираетъ разсыпанные цвѣты). (Анасуія возвращается).

Анасуія.

Милая, онъ весь горитъ отъ гнѣва. Кто сможетъ укротить его? Я только умягчила его немножко.

Пріамвада.

И это уже очень хорошо для него. Расскажи мнѣ, какъ было.

Анасуія.

Когда онъ не захотѣлъ вернуться, я упала къ его ногамъ, и стала умолять его. „Святой владыка“, сказала я, „вспомни прежнюю ея благоговѣйность и прости это прегрѣшеніе. Дочь твоя не узнала сегодня великую и святую твою власть“.

Пріамвада.

И потомъ.

Анасуія.

Тогда онъ сказалъ: „Слова мои должны исполниться. Но проклятіе утратитъ свою силу, когда любящій увидитъ талисманъ, данный имъ на память“. И онъ исчезъ.

Пріамвада.

Ну, мы можемъ теперь вздохнуть. Уходя, добрый Царь надѣлъ Сакунталѣ на палецъ кольцо, гдѣ начертано его имя, чтобы она помнила его. Это ее спасетъ.

САКУНТАЛА.

Анасу́йя.

Идемъ, мы совершимъ за нее жертвоприношеніе. (Идутъ).

Пріамвада. (Смотря).

Вонъ она какъ разъ, смотри, Анасу́йя. Стоитъ и щекою на лѣвую руку оперлась. Вся какъ на картинѣ. Она думаетъ о немъ. Какъ могла бы замѣтить она гостя, когда забыла себя?

Анасу́йя.

Пріамвада, не будемъ говорить объ этомъ, пусть между нами это останется. Намъ нужно беречь ее. Ты знаешь, какая она хрупкая.

Пріамвада.

Придетъ ли кому въ голову горячей водой поливать жасминъ? (Объ уходятъ).

(Раннее утро. Входитъ ученикъ Канвы, только что проснувшійся).

Ученикъ.

Отецъ Канва вернулся изъ паломничества и велѣлъ мнѣ узнать, сколько сейчасъ времени. Выйду на открытый воздухъ, и посмотрю, сколько еще осталось ночи. (Ходитъ и осматривается). А! Занимается заря.

Ужъ мѣсяцъ, владыка цѣлебныхъ растений,

Ушелъ за вершину Закатной горы,

И солнечный кругъ на Востокъ восходитъ,

Восходятъ, заходятъ два ока Небесъ.

И еще: —

Съ ушедшей Луною закрылись нимфеи,
Лишь память осталась отъ ихъ красоты,
Ахъ, тяжело любить, если дѣвушка любить,
А тотъ, кто любимъ ей, далеко ушелъ.

И еще: —

Росинки на ягодахъ медлятъ, сверкая,
Павлинь пробудился и съ кровли ушелъ,
И близъ алтаря поднимаются лани,
Поспали и снова привѣтствуютъ жизнь.

И еще: —

Луна, что касалась вершинъ высочайшихъ,
И тьму разрѣзала въ срединѣ небесъ,
Ниспала, упала, лишилась сіянья.
Была въ высотѣ, и къ низинамъ ушла.

Анасуя.

(Входитъ поспѣшно. Къ самой себѣ).

Это вотъ и случается съ невинными. Царь обошелся съ Сакунталой безстыдно.

Ученикъ.

Пойду скажу Отцу Канвѣ, что пришелъ часъ утренней жертвы. (Уходитъ).

Анасуя.

Занялась заря. Я проснулась свѣтлая, проснулась рано. Но что буду я дѣлать теперь, проснувшись? Ноги меня не слушаются, и обычное дѣло валится изъ рукъ. Такъ вотъ

бываетъ, когда любятъ. Милая дѣвушка, съ чистымъ сердцемъ, довѣрилась ему, измѣннику. Впрочемъ нѣтъ, это не вина добраго Царя, это—проклятіе Дурвасаса. А то какъ бы могъ добрый Царь говорить такъ красиво, и потомъ за все это время не прислать даже вѣсточки? (Размышляетъ). Да, нужно будетъ послать ему кольцо, которое онъ оставилъ на память. Но кого мы объ этомъ можемъ попросить? Въ отшельникахъ мало сочувствія, они не страдали. И вотъ, хоть мнѣ кажется, хоть я увѣрена, что насъ осуждать здѣсь не за что, мы не рѣшаемся сказать Отцу Канвѣ, что Сакунтала вступила въ супружество съ Душіантой и ожидаетъ ребенка. Что же намъ дѣлать теперь? (Входитъ Пріамвада).

Пріамвада.

Идемъ, Анасуйя, идемъ. Нужно собирать Сакунталу въ дорогу.

Анасуйя. (Удивленная).

Что ты хочешь сказать, милая?

Пріамвада.

Слушай. Я какъ разъ пошла къ Сакунталѣ, спросить, хорошо ли она спала.

Анасуйя.

Ну?

Пріамвада.

Она закрывала лицо руками отъ стыда, а Отецъ Канва обнималъ и ободрялъ ее. „Дитя мое“, сказалъ онъ, „я несу тебѣ добрую вѣсть. Жертвенное приношеніе упало

прямо въ священный огонь, и дымъ благого предзнаменованія поднялся къ приносившему жертву. Заботы мои о тебѣ и тревоги были какъ наука, преподанная добродушному ученику: онѣ не принесли мнѣ никакого сожалѣнія. Въ этотъ самый день, сегодня, я дамъ тебѣ въ провозатые отшельниковъ и пошлю тебя къ твоему супругу“.

Анасуя.

Но, милая, кто же сказалъ объ этомъ Отцу Канвѣ?

Пріамвада.

Голосъ съ неба произнесъ стихъ, когда онъ вошелъ въ святилище Огня.

Анасуя. (Удивленная).

Что онъ сказалъ?

Пріамвада.

Слушай.

Браманъ, узнай, что Сакунтала—точно мимоза,

Пламенемъ полная тайнымъ, что вспыхнуть должно.

Царь прикоснулся лучомъ къ ней живого касанья,

Міру на благо означится тайный огонь.

Анасуя. (Обнимая Пріамваду).

Ахъ, я такъ рада, такъ рада, милая. Но мнѣ и грустно также въ моей радости, когда подумаю, что сегодня же мы лишимся Сакунталы.

Пріамвада.

Намъ нужно прятать теперь нашу грусть, какъ только можемъ. Сакунталѣ нужно быть счастливой сегодня.

Анасуя.

Вотъ тутъ на манговомъ деревѣ виситъ на вѣткѣ корзиночка изъ кокосоваго орѣха. Я цвѣточной пыльцы положила туда. Она свѣжая. Ты завернешь ее въ листь лотоса, я дамъ тебѣ также для священнаго обряда желтаго порошка и землицы съ святаго мѣста и листьевъ отъ птичьяго проса, все на счастье. (Пріамвада дѣлаетъ это. Анасуя уходитъ).

Голосъ за сценой.

Гаутами, попроси достойнаго Сарнгараву и Сарадвату приготовиться сопровождать мою дочь Сакунталу.

Пріамвада. (Прислушиваясь).

Скорѣй, Анасуя, скорѣе. Они зовутъ отшельниковъ, которые идутъ въ Гастинапуру. (Входитъ Анасуя, съ разными вещами для священнаго обряда).

Анасуя.

Идемъ, милая, спѣшимъ. (Идутъ).

Пріамвада. (Смотря впередъ).

Вонъ Сакунтала. Съ восходомъ Солнца она искупалась какъ должно и отшельницы даютъ ей въ знакъ привѣтствія рисовыя лепешки и желаютъ счастья. Пойдемъ къ ней (Онѣ идутъ. Входитъ Сакунтала съ тѣми, кто окружаетъ ее, какъ описано, и Гаутами).

Сакунтала.

Святыя жены, я привѣтствую васъ.

Гаутами.

Дитя мое, прими счастливое поименованіе Царицы, въ немъ знакъ, что супругъ твой чтить тебя.

Отшельницы.

Милая, да будешь ты матерью героя. (Всѣ уходятъ кромѣ Гаутами).

Двѣ Подруги. (Приближаясь).

Хорошо ли искупалась, милая?

Сакунтала.

Доброе утро, дѣвушки. Присядьте.

Двѣ Подруги. (Садясь).

Стой теперь прямо, мы совершимъ счастливый обрядъ.

Сакунтала.

Это часто случалось, но сегодня я вдвойнѣ благодарна. Будутъ ли когда еще подруги мои украшать меня? (Плачетъ).

Двѣ Подруги.

Не нужно плакать, милая, въ эти счастливыя мгновенія. (Вытираютъ слезы и украшаютъ ее).

Пріамвада.

Ты такъ красива, лучшихъ нужно было бы тебѣ украшеній. Это прямо обидно давать тебѣ эти прикрасы Пустыни. (Входитъ Гарита, юноша, съ украшеніями).

Гарита.

Вотъ украшенія для нашей госпожи. (Женщины смотрять на него съ удивленіемъ).

Гаутами.

Гарита, сынъ мой, откуда эти вещи?

Гарита.

Священною силой Отца Канвы.

Гаутами.

Созданіе его мысли?

Гарита.

Не вполнѣ. Слушайте. Отецъ Канва послалъ насъ нарвать цвѣтовъ съ деревьевъ для Сакунталы, и вдругъ—

На деревѣ одномъ, какъ лунный бѣлый плодъ,
Висѣло шелковое свадебное платье,
Съ другого красная сочилась камедь,
Которой пальцы ногъ охотно красятъ дѣвы,
И руки видѣлись невидимыхъ существъ,
Подобныя вѣтвямъ деревъ цвѣтущихъ нѣжно,
Всѣ драгоцѣнности онѣ давали намъ,
Какихъ бы только мы отъ нихъ ни пожелали.

Пріамвада. (Смотря на Сакунталу).

Пчела родиться можетъ въ дуплѣ древесномъ, но любитъ она медъ, собираемый съ лотоса.

Гау тами.

Эта изысканная милость незримыхъ существъ есть знакъ, что ты царски будешь счастлива во дворцѣ у твоего супруга. (Сакунтала выказываетъ смущеніе).

Гарита.

Отецъ Канва пошелъ на берегъ Малини, совершить омовеніе. Пойду скажу ему о милости, оказанной намъ деревьями. (Уходитъ).

Анасуя.

Милая, мы, бѣдныя дѣвушки, никогда и не видывали подобныхъ украшеній. Какъ намъ украсить ими тебя? (Она думаетъ, и смотреть на украшенія).

Но мы видали картины. Быть можетъ, мы сумѣемъ надѣть ихъ на тебя какъ слѣдуетъ.

Сакунтала.

Я знаю, вы умныя. (Двѣ Подруги украшаютъ ее. Входитъ Канва, окончивъ омовеніе).

Канва.

Сакунтала сегодня въ путь уходитъ,
Съ ней расстаюсь, и грусть во мнѣ встаетъ,
Какъ только я подумаю объ этомъ,
Я вдаль смотрю, и взоръ мой полонъ слезъ.
Меня любовь и жалить и терзаетъ,
Хоть я живу не вѣдая жены,
Не вѣдая дѣтей, отшельникъ мирный,—

Такъ какъ же долженъ чувствовать отецъ,
Что съ дочерью своей разстаться долженъ?

(Ходить взадъ и впередъ).

Двѣ Подруги.

Вотъ, Сакунтала, мы украсили тебя. Надѣнь теперь это красивое шелковое платье. (Сакунтала встаетъ и надѣваетъ его).

Гаурами.

Дитя мое, тутъ отецъ твой. Глазами своими онъ прощально обнимаетъ тебя, и глаза его полны слезъ радости. Привѣтъ его хорошенько. (Сакунтала стыдливо привѣтствуетъ его, кланяясь).

Канва.

Дитя мое,—

Какъ Сармишта, супруга Яйяти,
Добродѣтелью мѣрай любовь,
И роди намъ царевича-сына,
Чтобы правилъ онъ цѣлой Землей.

Гаурами.

Дитя мое, это не мольба, а благословеніе.

Канва.

Дочь моя, обойди теперь кругомъ, слѣва направо, Огонь, въ который только что брошено жертвоприношеніе. (Всѣ обходятъ Огонь).

Огонь горитъ на очагѣ,
Огонь восходитъ съ алтаря,

Горитъ священная трава,
Огонь взбѣгаетъ къ Небесамъ.
Какъ жертва съѣдена Огнемъ,
Свѣтло пылающимъ Огнемъ,
Такъ тѣни были,—гдѣ онѣ?
Исчезли въ пламенномъ Огнѣ.
Прими, все темное гоня,
Благословеніе Огня.

(Сакунтала обходитъ Огонь слѣва направо).

Канва.

Теперь можно и въ путь, дочь. (Осматривается кругомъ).
Гдѣ же Сарнгарава и Сарадвата. (Входятъ Два Ученика).

Два Ученика.

Мы здѣсь, отецъ.

Канва.

Сарнгарава, сынъ мой, води сестру свою.

Сарнгарава.

Идемъ. (Всѣ идутъ).

Канва.

Деревья рощи благоговѣйной, гдѣ живутъ существа незримыя,—

Услышите голосъ мой, она уходитъ,

Она, что не рѣшалася испить,

Пока не напоить васъ свѣжей влагой,
 Она, что, украшенія любя,
 Цвѣтовъ съ вѣтвей зеленыхъ не срывала,
 И каждой почкѣ радовалась здѣсь,
 И праздникомъ ей былъ цвѣтокъ здѣсь каждый,
 Сакунтала идетъ къ супругу въ домъ;
 Благословите путь ея далекій,
 И ласковое молвите „Прощай“.

(Раздается крикъ кукушки).

С а р н г а р а в а. (Прислушиваясь).

Деревья услышали слово твое,
 Какъ братья родные отвѣтили,
 И птица лѣсная, прощаясь съ сестрой,
 Протяжно кукуетъ Сакунталѣ.

Незримыя Существа.

Пусть взоръ твой съ цвѣтами лилейными нѣжно встрѣчается,
 Пусть тѣнь отъ деревьевъ смягчаетъ полуденный зной,
 Дорожная пыль пусть въ цвѣточную пыль превращается,
 И миръ и веселье въ пути да пребудутъ съ тобой.
 (Всѣ слушаютъ съ изумленіемъ).

Г а у т а м и.

Дитя мое, незримыя существа священной рощи прощаются съ тобой. Они любятъ родныхъ своихъ. Преклонись передъ Священными.

Сакунтала.

(Преклоняется. Въ сторону, къ Пріамвадѣ).

Пріамвада, мнѣ очень хочется увидѣть супруга, и все же ноги мои не хотятъ идти. Трудно, трудно оставить Обитель.

Пріамвада.

Не только тебѣ грустно при этомъ разставаньи, милая. Смотри, вся роща чувствуетъ разлуку.

Лани роняють траву изо рта, не глотая,
Пляску не хочетъ продолжить павлинь,
Желтыя листья выюнокъ уронилъ, извиваясь,
Листья, какъ слезы, упали, грустя о тебѣ.

Сакунтала. (Что-то вспомнивъ).

Отецъ, я должна проститься съ любимой моей сестрой среди лѣанъ и цвѣтовъ, съ Луннымъ Свѣтомъ Лѣснымъ.

Канва.

Я знаю, какъ ты любишь эту лѣсную сестру свою. Вотъ, она какъ разъ направо отъ тебя.

Сакунтала.

(Приближаясь къ жасмину и обнимая растеніе).

Сестра лѣсная, Лунный Свѣтъ Лѣсной, обними меня и ты руками своими, этими вѣтвями. Я завтра уже буду далеко отъ тебя. Отецъ, заботься о ней, какъ ты заботился обо мнѣ.

Канва.

Еще недавно, дочь моя,
Я былъ въ заботѣ о тебѣ,
Но вотъ ты милаго нашла,
Вполнѣ достойнаго тебя.
Такъ съ дровомъ манговымъ та вѣтъ
Въ лѣсной вступила нѣжный бракъ,
Я отъ заботъ освобождень,
Но буду думать я о васъ.

А теперь въ путь.

Сакунтала.

(Подходя къ Двумъ Подругамъ).

Милыя дѣвушки, и вы тоже заботьтесь объ этой сестрѣ
моей.

Двѣ Подруги.

А кто будетъ заботиться о насъ бѣдныхъ? (Заливаются
слезами).

Канва.

Анасуя. Пріамвада. Не плачьте. Это вы должны утѣ-
шать Сакунталу. (Всѣ идутъ.)

Сакунтала.

Отецъ, тутъ есть одна лань, у которой долженъ родиться
скоро маленькій. Когда она будетъ счастливой матерью,
смотри, непременно пошли мнѣ кого-нибудь съ этой вѣстью.
Не забудь.

Канва.

Не забуду, дитя мое.

Сакунтала. (Спотыкаясь).

О! о! Кто это держитъ мое платье и не пускаетъ меня?
(Оборачивается, чтобы посмотрѣть).

Канва.

Это лань, что когда-то обрѣзала губы

Острой осоки листомъ,

Ты ее исцѣлила смягчающимъ масломъ,

Ты изъ рукъ ей давала пшена,

И она, полюбивши тебя благодарно,

Ужъ не хочетъ тебя отпустить.

Сакунтала.

Милая, зачѣмъ ты идешь за мной, когда я ухожу изъ дому. Твоя мать умерла, когда ты родилась, и я тебя выростила. Теперь я тебя оставляю, и Отецъ Канва о тебѣ позаботится. Иди назадъ. Иди назадъ. (Отходить плача).

Канва.

Не плачь, дитя мое. Смѣлѣе. Смотри на дорогу, что передъ тобой.

Сдержи кипанія слезъ,

Они затуманятъ глаза твои,

На длинныхъ рѣсницахъ дрожа,—

Споткнешься, дорога неровная.

Сарнгарав.

Святой Отецъ, Писаніе учитъ насъ, что мы должны провожать уходящаго любимаго только до первой воды. Прошу,

дай намъ свои порученія на берегу этого прудка, и потомъ вернись домой.

К а н в а.

Такъ помедлимъ въ тѣни этой смоковницы. (Всѣ останавливаются). Чтó поручить мнѣ передать нашему Царю Душіантѣ? (Размышляетъ).

А н а с у й я.

Милая, нѣтъ ни одного живого существа во всей нашей рошѣ, которое не печалилось бы, прощаясь съ тобой. Взгляни.

Цесарка забыла о миломъ дружкѣ,

Напрасно ее онъ зоветъ.

За лотосомъ прячась, онъ грустно кричитъ:—

„Услышь, я тоскую, услышь“.

К а н в а.

Саригарава, сынъ мой, когда предстанетъ Сакунтала передъ Царемъ, передай ему отъ меня слѣдующее.

Прими во вниманье, что наше богатство

Теперь въ отреченіи одномъ,

Что доблестный родъ твой всегда былъ высокимъ,

Что эта любовь не отъ насъ.

Прими же ее между женъ, что ты любишь,

Почти, какъ другихъ ты почтилъ,

Что больше, то будетъ Судьбы повелѣнье,

Безсильны мы здѣсь предрѣшать.

Сарнгаравъ.

Я не забуду словъ твоихъ, Отецъ.

Канва. (Обращаясь къ Сакунталѣ).

Дитя мое, теперь тебѣ я дамъ совѣтъ мой. Хотя я въ лѣсу живу, я немного знаю міръ.

Сарнгаравъ.

Истинная мудрость, Отецъ, даетъ заглянуть во все.

Канва.

Дитя мое, когда ты вступишь въ домъ твоего супруга, —
Слушайся старшихъ своихъ, что душой руководятъ,
Къ женамъ другимъ благовольной и ласковой будь,
Гнѣвной съ супругомъ не будь, и не будь съ нимъ упрямой,
Если бы даже обидѣлъ тебя чѣмъ-нибудь,
Съ слугами вѣжливой будь, какъ ты только умѣешь,
Не заносись въ своемъ счастьи, въ свой день не гордись,
Дѣвушка можетъ такъ стать благородной супругой,
А своевольная—бремя и скорбь для семьи.
Или что объ этомъ молвить Гаутами?

Гаутами.

Это мудрый совѣтъ для новобрачной. (Къ Сакунталѣ). Не забудь его, дитя мое.

Канва.

Подойди, обними меня, дочь моя, и обними подругъ своихъ.

САКУНТАЛА.

Сакунтала.

Ахъ, Отецъ. Мои подружки тоже должны вернуться домой?

Канва.

Дочь моя, онѣ тоже однажды выйдутъ замужъ. Онѣ не могутъ поэтому идти съ тобой къ царскому двору. Съ тобой пойдетъ Гаутами.

Сакунтала.

(Охватывая руками своего Отца).

Оторвали меня отъ отцовской груди, какъ лозу отъ санталоваго дерева на Малабарскихъ холмахъ. Какъ быть мнѣ, какъ жить мнѣ въ чужой землѣ? (Плачетъ).

Канва.

Что ты туманишься такъ, дочь моя?

Разъ будешь ты цѣнимою супругой,

Близъ доблестнаго мужа своего,

И, каждый мигъ обязанности помня,

Достоиную окажешься женой,

И вскорѣ чрезъ тебя дитя возникнетъ,

Какъ на востокѣ Солнце въ ранній часъ,—

Не вспомнишь ты, иль вмѣнишь только въ малость,

Ту давнюю разлучную печаль.

Сакунтала. (Падая къ ногамъ отца).

Прощай, Отецъ!

Канва.

Да придетъ къ тебѣ, дочь моя, все, чего я тебѣ желаю.

Сакунтала.

(Подходя къ Двумъ Подругамъ).

Обнимите меня, подружки, обѣ вмѣстѣ.

Двѣ Подруги. (Обнимають ее).

Милая, если добрый Царь вдругъ да не сразу признаетъ тебя, ты покажи ему это кольцо, на которомъ вырѣзано собственное его имя.

Сакунтала.

Вы говорите, и сердце у меня начинаетъ биться.

Двѣ Подруги.

Не бойся, милая. Любовь недовѣрчива.

Сарнгаравъ. (Осматриваясь).

Отецъ, Солнце ужь достигло середины неба. Ей нужно спѣшить.

Сакунтала.

(Обнимая Канву еще разъ).

Отецъ, когда я увижу опять благоговѣйную рошу?

Канва.

Дочь моя,—

Рядъ долгихъ лѣтъ, ты въ мысляхъ у Царя
Царицей будешь наравнѣ съ Землею,
И сынъ-герой, твой сынъ и Душіанты,
Съ избранницею вступить въ свѣтлый бракъ,
И приметъ отъ отца тяготы власти,

Тогда съ Царемъ придешь ты въ эту рошу,
Въ нѣмую Пустынь, гдѣ молчить гроза./

Гау тами.

Дитя мое, уходить время, нужно тебѣ отбыть. Скажи
отцу, чтобъ онъ вернулся. Но нѣтъ, она никогда этого не
скажетъ. Прошу, владыка, вернись домой.

Канва.

Дитя, ты нарушаешь мои обязанности въ благочестивой
рощѣ.

Сакунтала.

Да, Отецъ. Не томись обо мнѣ. Ты и такъ истомляешься
всѣмъ служеніемъ своимъ. Но я объ тебѣ буду томиться.

Канва.

Какъ не томиться. (Вздыхаетъ).

Ты риса зерна разсыпала

Предъ дверью здѣсь.

Зазеленѣютъ приношенья,

Какъ стебли травъ,

И вспомяну тебя, родная,

Здѣсь въ тишинѣ.

Иди. И свѣтлый миръ да идетъ съ тобою. (Сакунтала
уходить съ Гаутами, Сарнгаравой и Сарадватой).

Двѣ Подруги.

(Смотря ей вслѣдъ. Печально).

А, а! Ужь Сакунталы не видно среди деревьевъ.

Канва.

Анасуря! Пріамвада! Подруга ваша ушла. Сдержите печаль свою, и идите за мной.

Двѣ Подруги.

(Начинають возвращаться).

Отецъ, роща кажется такой пустой безъ Сакунталы.

Канва.

Такія мысли—отъ любви. (Идетъ, погруженный въ размышленія). Ну вотъ, я отослалъ Сакунталу въ домъ къ супругу. И снова я сталъ самимъ собой. Такъ и должно быть.

Дѣвушка, это—чужое сокровище,

Нѣжнымъ рукамъ я его отдаю,

Мужу отдавъ, что ему надлежало здѣсь,

Чувствую въ сердцѣ опять тишину,

Небо священный залогъ даровало мнѣ,

Я его честно теперь возвратилъ.

(Всѣ уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(Выходитъ Царедворецъ).

Царедворецъ. (Вздыхая).

Увы! Увы! До чего дошелъ я!

Когда-то камышевой тростью

Игралъ и помахивалъ я,

Была она въ женскихъ покаяхъ,
Въ дворцовыхъ, отличьемъ моимъ,
Но ноги мои ослабѣли,
И нынѣ она какъ костыль.

Царь во дворцѣ. Я долженъ доложить ему о неотложномъ дѣлѣ, требующемъ его вниманія. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ). Но въ чемъ дѣло? (Припоминаетъ). Да, вспомнилъ. Нѣкіе отшельники, ученики Канвы, желаютъ видѣть Его Величество. Странно, странно.

Умъ старца—какъ лампада,
Гдѣ масла ужъ немного,
Одну минуту вспыхнетъ,
А тамъ совсѣмъ темно.

(Ходитъ взадъ и впередъ и осматривается). Вотъ Государь.

Пока отеческой заботой
Онъ подданныхъ не наградить,
Неутомимъ въ своемъ вниманьи,
Не ищетъ отдыха себѣ.
Такъ мощный слонъ, пока все стало
Не пріютить въ густой тѣни,
Какъ бы не избѣгаетъ Солнца,
Идя безтрепетно впередъ.

По правдѣ сказать, я не рѣшаюсь сообщить Царю о прибытіи учениковъ Канвы. Онъ только что покинулъ тронъ правосудія. Но цари никогда не устаютъ.

Вѣдь Солнце огненныхъ коней
Не отпрягаетъ никогда,
И вѣтеръ, запахъ травъ неся,
Онъ вѣетъ ночью, вѣетъ днемъ,
И въ безднахъ, царь могучихъ силъ,
Тысячеглазый Сеша-Змѣй,
Возноситъ Землю къ высотѣ,
И все не падаетъ Земля.

(Ходить взадъ и впередъ. Входитъ Царь, Шутъ и Свита).

Царь. (Выказываетъ озабоченность).

Каждый человѣкъ счастливъ, когда онъ выполняетъ свое желаніе—только не Царь. Его затрудненія возрастаютъ съ его властью.

Достигнешь владѣній,—убьешь честолюбье,
И вмѣсто стремленья—лишь сонмы заботъ,
Достоинство царское—зонтикъ отъ Солнца,
Ты удержишь—и лишь утомилась рука.

Два Придворные Поэта, за сценой.

Побѣда Властителю.

Первый Поэтъ.

Міръ охраняя каждый день,
Его ты бережешь собой,
Такъ дерево роняетъ тѣнь,
Пріютъ скитальцу въ жаркій зной,

И Солнце жжетъ, но отдыхъ—тутъ,
И люди отдыхать придутъ.

Второй Поэтъ.

Бѣжить отъ царскаго жезла
Безчинно мыслящій порокъ,
Ты защищаешь всѣхъ отъ зла,
И безкорыстно ты высокъ,
Богатыхъ другъ и бѣдняковъ,
Ты всѣмъ равно помочь готовъ.

Царь. (Слушая).

Странно. Я былъ утомленъ своими обязанностями, но эти слова возродили мой духъ.

Шутъ.

Развѣ быкъ забываетъ, что онъ усталъ, когда мы называемъ его предводителемъ стада?

Царь. (Улыбаясь).

Ну хорошо, сядемъ. (Садятся, свита располагается въ порядкѣ. За сценою слышится лютня).

Шутъ. (Слушая).

Послушай-ка, пріятель, что тамъ происходитъ, гдѣ музыка. Кто-то играетъ на лютнѣ, да и превосходно. Полагаю, что это Владычица Гансавати играетъ.

Царь.

Помолчи, я хочу слушать.

Царедворецъ. (Смотрить на Царя).

О, Царь занятъ. Я долженъ подождать. (Стоить въ сторонѣ).

Пѣсня за сценой.

Медолюбивая пчела,

Цвѣтокъ ты цѣловала манго,

Ты раннимъ лѣтомъ отдала

Тому цвѣтку всю нѣжность страсти.

Такъ какъ же можетъ для тебя

Быть искушеньемъ бѣлый лотосъ?

И этотъ свѣжій медъ любя,

Ты вправду чувствуешь блаженство?

Царь.

Что за пѣсня? Она ворожитьъ.

Шутъ.

Ты, человѣче, что жъ, не понимаешь словъ человѣческихъ?

Царь. (Улыбаясь).

Царицѣ Гансавати я раньше предавался. Упрекъ исходитъ отъ нея. Другъ Мадгавія, поди скажи отъ моего имени Царицѣ Гансавати, что упрекъ ея нѣжно-изященъ.

Шутъ.

Слушаю, Повелитель. (Встаетъ). Но, знаешь что, человѣче добрый, тебѣ, кажется, нравится чужими руками медвѣдя

изъ берлоги тащить? У меня сейчасъ столько же благихъ вѣроятій спастись, какъ у подвижника, который не забылъ свои страсти.

Царь.

Иди. Умягчи ее—какъ подобаетъ человѣку благородному.

Шутъ.

Какъ видно, приходится. (Уходитъ).

Царь. (Къ самому себѣ).

Почему такъ вниманье мое приковалось къ этой пѣснѣ? Вѣдь я жь не разлученъ съ любимой. И однако—

Увидѣвъ то, что восхищаетъ,
Услышавъ музыку вдали,
Мы ощущаемъ грусть невольно,
Припоминаетъ смутно духъ,
То сладко-радостно-родное,
Что было съ нами до Земли,
Какъ мы любили до рожденья,
Какъ были счастливы не здѣсь.

(Выказываетъ зачарованную внимательность, что исходитъ отъ вещей воспоминаемыхъ неприпоминающихся).

Царедворецъ. (Приближаясь).

Побѣда тебѣ, Государь. Здѣсь вотъ нѣкіе отшельники пришли, что живутъ въ лѣсу у подножія Гималаевъ. Они пришли съ женщинами, и принесли тебѣ вѣсть отъ Канвы. Что будетъ тебѣ благоугодно рѣшить о нихъ?

Царь. (Удивленный).

Отшельники? Съ женщинами? Отъ Канвы?

Царедворецъ.

Да.

Царь.

Попроси отъ моего имени жреца моего Сомарату принять этихъ отшельниковъ, какъ предписываетъ намъ Священное Писаніе, и пусть онъ самъ приведетъ ихъ ко мнѣ. Я буду ждать ихъ въ мѣстѣ, надлежащемъ для приема.

Царедворецъ.

Слушаю, Государь. (Уходить).

Царь. (Вставая).

Ветравати, проводи меня къ святилищу, Огня.

Привратница.

Иди за мною, Государь. (Она идетъ). Вотъ, Повелитель, взойди на священный выступъ, тебя ждетъ святилище Огня. Оно красиво, чисто, только что выметено, и корова, дающая молоко для жертвы, тутъ рядомъ. Прошу тебя.

Царь.

(Стоитъ, опершись о плечо одного изъ свиты).

Ветравати, съ какою мыслью Отецъ Канва прислалъ этихъ отшельниковъ ко мнѣ?

Препятствія для жертвоприношеній,

Быть можетъ, злая воля создала?

И предвозвѣстій полныя въ началѣ,
Они не нарушаются ль опять?
Иль кто обидѣлъ тѣхъ животныхъ мирныхъ,
Что въ этой рощѣ набожной живутъ?
Или растенья не даютъ расцвѣта,
Веля мнѣ оглянуться на себя?
Сомнѣній я исполненъ и вопросовъ,
Не нахожу отвѣта, и смущенъ.

Привратница.

Какъ могло бы случиться подобное въ Обители, что на-
ходится подъ стѣною царской твоей длани? Нѣтъ, какъ я по-
лагаю, они пришли съ данью къ царю своему, и приходятъ
привѣтствовать его въ благочестивомъ его правленіи.

(Входитъ Домашній Жрецъ Царя и Царедворецъ, ведя Двухъ Уче-
никовъ Канвы, съ Гаутами и Сакунталой).

Царедворецъ.

Прошу васъ, идите за мной.

Сарнгаравъ.

Другъ Сарадвата,

Здѣсь все горитъ отъ суетнаго блеска,
Но Царь благой, средь дней мірскихъ,
Дорогой правосудія проходить,
Не отступая отъ добра,—
Я все же такъ привыкъ къ уединенію,
Что, видя эту пышность всю,

Какъ будто вижу пламени пожара,
Огнемъ и дымомъ полный домъ.

Сарадвата.

Твое чувство, Сарнгарава, при входѣ въ городъ, совершенно справедливое. Что до меня,—

Уйдя отъ міра и мірскаго,
На нихъ на всѣхъ я такъ смотрю,
Какъ тотъ, кто только искупался,
На тѣхъ, кто въ маслѣ и въ грязи,
Какъ чистый смотритъ на нечистыхъ,
Какъ умудренный на слѣпыхъ,
Какъ тотъ, кто бодрствуетъ, на сонныхъ,
И какъ свободный на рабовъ.

Жрецъ.

Потому такъ и велики люди подобные вамъ.

Сакунтала.

(Замѣчая злое предзнаменованіе).

О, почему дергается правый мой глазъ?

Гаутами.

Да отвратить Небо дурной знакъ, дитя мое. Счастье да будетъ съ тобою. (Онѣ идутъ впередъ).

Жрецъ. (Указывая на Царя).

Вотъ, отшельники, тотъ, кто покровительствуетъ всѣмъ изъ каждаго состоянія и всякаго возраста. Онъ уже всталъ и ждетъ васъ. Смотрите на него.

Сарнгаравя.

Здѣсь все превосходно, но ничего удивительнаго! Ибо—
 Если вѣтви въ плодахъ, наклоняются вѣтви къ землѣ,
 Облака опускаются книзу, водой наполняясь,
 И смиренны благіе, постольку, поскольку богаты,
 Первобытная сущность въ томъ всѣхъ, кто поле-
 зенъ другимъ.

Привратница.

Высокій Повелитель, отшельники, кажется, вполне счастливы. Они смотрятъ на тебя ласково.

Царь.

(Пристально смотря на Сакунталу).

А!

Кто она, кто она, скрытая тканью,
 Что затемняетъ ея красоту?
 Въ этой одеждѣ она—точно скрытый
 Мертвыми листьями нѣжный цвѣтокъ.

Привратница.

Она достойна того, чтобы смотрѣть на нее, Владыка.

Царь.

Довольно. Я не долженъ смотрѣть на жену другого.

Сакунтала.

(Прижимая руку къ груди. Въ сторону).

О, сердце мое, зачѣмъ такъ трепещешь ты? Вспомни
 постоянство любви его и будь смѣлѣе.

Жрецъ. (Выступая впередъ).

Привѣтъ тебѣ, Государь. Отшельники были встрѣчены, какъ повелѣваетъ намъ Писаніе. Они приходятъ съ вѣстью отъ своего учителя. Да благоугодно тебѣ будетъ выслушать ее.

Царь. (Почтительно).

Я слушаю.

Два Ученика.

(Поднимая правую руку).

Побѣда тебѣ, о, Царь.

Царь. (Низко кланаясь).

Привѣтствую васъ всѣхъ.

Два Отшельника.

Всесвѣтлый привѣтъ тебѣ.

Царь.

Свершается ли благочестивое ваше служеніе безпрепятственно?

Два Ученика.

Какія могутъ быть препятствія,

Когда защита ты благимъ?

Какъ можетъ сила тьмы осмѣлиться,

Коль Солнце свѣтитъ въ высотѣ?

Царь. (Къ самому себѣ).

Поистинѣ, царское мое имя не пустой звукъ. (Громко).
Въ добромъ ли здравіи пребываетъ святой Канва?

Сарнгаравъ.

О, Царь, тѣ, которые имѣютъ молитвенную власть, могутъ повелѣвать здоровью. Онъ спрашиваетъ тебя, какъ преуспѣваешь ты, и посылаетъ тебѣ вѣсть.

Царь.

Въ чемъ его повелѣніе?

Сарнгаравъ.

Онъ говоритъ: „Такъ какъ ты встрѣтилъ эту дочь мою, и вступилъ съ нею въ супружество, я даю тебѣ радостное свое согласіе. Потому что—

Изъ достойныхъ людей ты достойнѣйшій,
И Сакунтала есть воплощеніе
Дѣлъ и мыслей благихъ,
Сочетались Верховною Волею
Мужъ благой съ благородной супругою,
Благодатень союзъ.

Она ожидаетъ рожденія дитяти. Возьми ее и живи съ нею въ свѣтломъ благочиніи“.

Гаутами.

Да придетъ къ тебѣ благословеніе, Властитель. Хотѣлось бы мнѣ что-нибудь сказать да не спрашиваютъ меня.

Царь.

Говори, Мать.

Гаутами.

Ни Отцу ничего не сказалъ, и ни Матери,
И съ родными ея ты бесѣды не вель,
Вы другъ съ другомъ бесѣду вели, какъ вы знаете,
Будьте жъ вѣрны другъ другу теперь.

Царь.

(Слушая съ тревожной подозрительностью).

Что означаетъ эта выдумка?

Сакунтала. (Къ самой себѣ).

О, о! Какая надменность и какая клевета!

Сарнгарав.

„Что означаетъ эта выдумка?“ Что означаетъ этотъ вопросъ? Ты, конечно, хорошо знаешь, какъ все происходить въ мірѣ.

Такъ какъ міръ заподозритъ замужнюю женщину,
Если въ домѣ родныхъ она только живетъ,
Въ домъ къ супругу родные должны отослать ее,
Если даже онъ больше не любитъ ее.

Царь.

И эта молодая женщина будто бы моя жена?

Сакунтала.

(Печально къ самой себѣ).

О, сердце мое, ты боялось этого, и вотъ это пришло.

САКУНТАЛА.

Сарнгагава.

О, Царь,—

Быть Царемъ,—и раскаяться въ томъ, что содѣлано,
Полюбить—и скорѣе бѣжать отъ любви?

Царь.

Что означаетъ это чудовищное обвиненіе?

Сарнгагава. (Яростно).

О, да, такія перемѣны не рѣдкость въ томъ,
Кто, властью упиваясь дерзко, какъ пьянъ виномъ.

Царь.

Этотъ жалящій упрекъ несправедливъ.

Гаутами. (Къ Сакунталѣ).

Забудь стыдъ на минутку, дитя мое. Я содвину твое покрывало. Супругъ твой узнаетъ тебя тогда. (Дѣлаетъ это).

Царь.

(Внимательно смотря на Сакунталу. Къ самому себѣ).

Сердце глядитъ и глядитъ на нее,
Видитъ ея красоту предъ собой,
Мыслью стараюсь я вспомнить ее,
Могъ ли, не могъ ли я мужемъ быть ей,—
Ранняя такъ прилетаетъ пчела,
Хочетъ къ жасмину прильнуть на зарѣ,

Влагой студеной покрыты цвѣты,
Вьется безсильно пчела надъ цвѣткомъ.

Привратница. (Къ самой себѣ).

Какой онъ добродѣтельный, нашъ Царь. Сталь ли бы другой кто колебаться, если такая жемчужина сама приходитъ къ нему?

Сарнгаравъ.

Тебѣ нечего сказать, Царь?

Царь.

Отшельникъ, я думалъ и продумалъ. Я не могу повѣрить, чтобы эта женщина была моей женой. Она ожидаетъ рожденія ребенка. Какъ могу я взять ее, признавая себя этимъ за прелюбодѣя?

Сакунтала. (Къ самой себѣ).

О, о, о! Онъ даже бросаетъ тѣнь подозрѣнія на самое супружество наше. Какъ высоко вознеслась лоза моей надежды, и вотъ сломалась.

Сарнгаравъ.

Значить, нѣтъ,—

Тебѣ простилъ отшельникъ тотъ позоръ,
Что къ дочери его ты прикоснулся,
И то, что вору честь онъ возвратилъ,
Награбленное принося въ подарокъ,
Ты даже это обращаешь въ грязь,
Позоръ другимъ позоромъ умножая?

Сарадвата.

Довольно, Сарнгарава. Сакунтала, что мы посланы сказать, мы сказали. Ты слышала слова Владыки. Отвѣть ему ты теперь.

Сакунтала. (Къ самой себѣ).

Онъ такъ меня любилъ. Онъ такъ измѣнился. Зачѣмъ напоминать ему о себѣ? Ахъ, но мнѣ нужно себя оправдать! Что же дѣлать, попытаюсь. (Громко). Дорогой супругъ мой!— (Останавливается). Нѣтъ, онъ сомнѣвается, чтобы я имѣла право такъ называть его. Высокій Повелитель, чистая любовь раскрыла мое бѣдное сердце передъ тобой въ Пустыни. Ты былъ добръ ко мнѣ и далъ мнѣ свое обѣщаніе. Справедливо ли это, что ты теперь такъ говоришь со мной и отвергаешь меня?

Царь. (Затыкая уши).

Довольно, довольно.

Зачѣмъ ты хочешь мой родъ унижить,
И имя запятнать мое?
Или потокъ ты, что берегъ роетъ,
И воду свѣтлую мутить,
И подрываетъ деревьевъ корни,
Что возросли на берегу?

Сакунтала.

Хорошо. Если ты такъ поступаешь, потому что дѣйствительно боишься прикоснуться къ чужой женѣ, я устра-

ню твои сомнѣнія, я покажу тебѣ талисманъ, который ты самъ мнѣ далъ на память.

Царь.

Великолѣпная мысль.

Сакунтала. (Ощупывая свой палецъ).

О, о! Кольцо... Я потеряла его. (Смотритъ скорбно на Гаутами).

Гаутами.

Дитя мое, ты молилась святому Гангу въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходилъ Индра. Ты тамъ, должно быть, и потеряла кольцо.

Царь.

Хорошая выдумка, прекрасная.

Сакунтала.

Судьба слишкомъ жестока со мной. Я скажу тебѣ что-нибудь другое.

Царь.

Да услышу я, что ты имѣешь сказать.

Сакунтала.

Это было, когда лань ко мнѣ подошла молодая, пріемное дѣтище мое. Ты пожалѣлъ ее и приласкалъ. „Дай ей испить сперва“, сказалъ ты. Но лань не знала тебя, и не хотѣла пить воду изъ твоихъ рукъ. А когда я протянула ту же воду, она испила. Тогда ты засмѣялся и сказалъ. „Это вотъ такъ. Каждый своему вѣрить. Вы обѣ—лѣсныя“.

Царь.

Какъ разъ таковы женщины—своекорыстныя, вкрадчивыя, обманныя, только чтобъ глупцовъ заманить.

Гаутами.

Ты не имѣешь права такъ говорить. Она выросла въ благоговѣйной рошѣ. Она не умѣетъ обманывать.

Царь.

Престарѣлая отшельница,—

Женщины вмѣстѣ съ обманомъ родятся

Это замѣтимъ мы даже въ звѣряхъ,

Въ женщинахъ, полныхъ корысти, подавно,—

Такъ знаменита кукушка межъ птицъ:

Яйца подкинувъ другимъ, улетаетъ.

Сакунтала. (Съ гнѣвомъ).

Недостойный! Ты судишь обо всемъ по собственному невѣрному своему сердцу. Посмѣлъ ли бы кто-нибудь сдѣлать то, что ты? Прятаться подъ личиной добродѣтели, какъ зіяющій колодець, прикрытый сверху травой.

Царь. (Къ самому себѣ).

Гнѣвъ ея искренній, она выросла въ лѣсу.

Вотъ.—

Смотрить прямо, гнѣвъ краснѣетъ пламенемъ въ глазахъ,
Рѣчь ея чистосердечна въ рѣзкости своей,

И дрожать отъ гнѣва губы, точно бьетъ ознобъ,

И приподнятыя брови выражаютъ скорбь.

Нѣтъ, однако, она увидѣла, что я колеблюсь въ нерѣшительности, и гнѣвъ ея притворство.

Когда съ тяжелымъ сердцемъ

Признать я отказался

Любовную ту тайну,

Взоръ вспыхнулъ у нея,

И лукъ ея любовный

Въ рукахъ ея согнулся,

Въ чрезмѣрномъ напряженіи

Переломился лукъ.

(Громко). Поведеніе Душіанты, достойнѣйшая, извѣстно всему царству, но не это дѣяніе.

Сакунтала.

Хорошо, хорошо. Къ чему шла, къ тому и пришла. Я повѣрила Царю, я предалась въ его руки. Медъ былъ на языкѣ у него, сердце его было изъ камня. (Закрываетъ лицо свое краемъ одежды и плачетъ).

Сарингарава.

Нужно медлить съ любовью, и медлить вдвойнѣ—

Выбирая товарища тайнаго,

Если сердца не знаешь того, съ кѣмъ—вдвоемъ,

За любовью увидишь ты ненависть.

Царь.

Почему вѣрите вы этой дѣвушкѣ, и обвиняете меня въ воображаемомъ преступленіи?

Сарнгаравъ. (Презрительно).

Мудрость твоя вверхъ ногами опрокинулась.—

Дѣвушкѣ вѣрить, что сроду обмана не знала,

Есть безразсудство одно,

Мудро же вѣрить тому, кто въ обманахъ искусенъ,

Истинно такъ.

Царь.

Ага, ты пророчествуешь. Ну, допустимъ, что я именно такой человѣкъ, какъ ты воображаешь. Что должно случиться со мной, если я обманулъ дѣвушку?

Сарнгаравъ.

Гибель.

Царь.

И отпрыскъ рода Пуру захотѣлъ бы своей гибели? Какъ это правдоподобно.

Сарнгаравъ.

Къ чему извилистыя слова? Мы свершили то, что повелѣлъ намъ Отецъ. Теперь мы вернемся назадъ.

Покинь ее или возьми,—

Она твоя жена,

Неограниченная власть

У мужа надъ женой.

Гаутами, идемъ. (Идутъ).

Гау та ми.

(Оглядываясь на Сакунталу).

Сарнга ра ва, сынъ мой, Сакун тала идетъ за нами и горько плачетъ. Что будетъ дѣлать бѣдный ребенокъ, если мужъ настолько низокъ, что отвергаетъ ее?

Сарнга ра ва.

(Оборачиваясь, гнѣвно).

Ты, своевольница! Ты дерзаешь выказывать независимость? (Сакун тала, вздрогнувъ, отступаетъ въ испугъ). Слушай же.

Если ты заслужила весь этотъ позоръ,

Что отцу съ тобой дѣлать, преступная?

Если жъ совѣсть чиста твоя, знай и терпи,

Въ домъ мужа и рабство ты вынесешь.

Останься здѣсь. А мы должны уйти.

Царь.

Ты что жъ, пустынный, обманываешь эту женщину? Да, обманываешь. Припомни.

Ночные цвѣты раскрываются Мѣсяцу,

Дневные на Солнце глядятъ,

И тотъ, кто страстями владѣетъ, захочетъ ли

Смотрѣть на чужую жену.

Сарнга ра ва.

О, Царь, предположи, что ты забылъ о прежнихъ поступкахъ своихъ среди развлеченій. Что же, ты бросишь теперь жену свою—ты, боящійся уклониться отъ благого?

Царь.

Я тебя спрошу, въ чемъ болѣе грѣха:—

Я не знаю, сошелъ ли съ ума я,

Или эта женщина лжетъ,—

Такъ жену ли законную бросить,

Или стать любодѣемъ теперь?

Жрецъ. (Размышляя).

Если все это такъ,—

Царь.

Разъясни мнѣ, учитель мой.

Жрецъ.

Пусть эта женщина остается въ моемъ домѣ до того, какъ родится ребенокъ.

Царь.

Почему?

Жрецъ.

Мудрые звѣздочеты возвѣстили тебѣ, что первому твоему ребенку суждено быть властителемъ міра. Если у дочери отшельника родится сынъ съ царскими примѣтами, тогда привѣтствуй ее и введи ее въ свой дворецъ. Если нѣтъ, она должна вернуться къ своему отцу.

Царь.

Учитель, это добрый совѣтъ.

Жрецъ. (Вставая).

Иди за мною, дочь моя.

Сакунтала.

О, Мать-Земля, раскройся и дай мнѣ могилу. (Уходить, плача, съ Жрецомъ, Отшельниками, и Гаутами. Царь, память котораго, какъ облакомъ, окутана проклятіемъ, размышляетъ о Сакунталѣ).

Голоса за сценой.

Чудо! Чудо!

Царь. (Прислушиваясь).

Что тамъ случилось? (Входитъ Жрецъ).

Жрецъ. (Изумленный).

Высокій Повелитель, нѣчто чудесное свершилось.

Царь.

Что именно?

Жрецъ.

Едва ученики Канвы отбыли,—

Вскинула руки она, застонала,

Горькій укоръ возгласила Судьбѣ,—

Царь.

И потомъ?

Жрецъ.

Не было грома, но въ пламени молній,

Въ свѣтѣ небесномъ сіяющій ликъ,

Возлѣ пруда Небожительницъ, вспыхнулъ,

Поднялъ ее, и мгновенно исчезъ.

(Всѣ выражаютъ изумленіе).

Царь.

Учитель, мы уже установили взглядъ на это. Къ чему размышлять намъ еще? Предадимся отдыху.

Жрецъ.

Побѣда тебѣ, Государь. (Уходитъ).

Царь.

Ветравати, у меня голова кругомъ идетъ. Проводи меня въ опочивальню.

Привратница.

Прошу пожаловать, Властитель.

Царь. (Идя. Къ самому себѣ).

Я не могу отшельницу считать

Своей супругой, въ памяти нѣтъ знака,

Но сердце грустно такъ поражено,

И убѣдить меня въ другомъ желаетъ.

(Всѣ уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ШЕСТОЕ.

(Улица передъ Дворцомъ).

(Входятъ Начальникъ Стражи, Два Стражника, и Человѣкъ съ руками связанными за спиной).

Два Стражника.

(Нанося удары Человѣку).

Ну, знатокъ чужихъ кармановъ, говори, гдѣ ты нашелъ это кольцо. Это царское кольцо, на немъ начертаны буквы, и въ немъ большой драгоцѣнный камень.

Рыбакъ. (Выказывая страхъ).

Помилосердствуйте, люди добрые. Не повиненъ я въ такомъ грѣхѣ.

Первый Стражникъ.

Ну конечно нѣтъ. Царь вѣрно подумалъ, что ты почтенный Браманъ, и сдѣлалъ тебѣ подарокъ.

Рыбакъ.

Выслушайте, сдѣлайте милость. Я рыбакъ, около Ганга живу. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Индра сходилъ.

Второй Стражникъ.

Ты, воровское отродье, мы тебя развѣ о томъ спрашиваемъ, гдѣ ты живешь да что дѣлаешь?

Начальникъ Стражи.

Не мѣшай ему, Сучака. Пусть онъ все расскажетъ.

Два Стражника.

Точно такъ. Говори, пріятель, говори.

Рыбакъ.

Я содержи семью свою такими, значить, вещами, которыя ловятся—рыба, значить—сѣтью, ну и на удочку тоже, всячески.

Начальникъ Стражи. (Смѣясь).

Тонкаго свойства ремесло.

Рыбакъ.

Не говори такъ, господинъ добрый.

Кто что имѣеть по наслѣдству,

Онъ это долженъ сохранить,

У мясника лихое дѣло,

А Браманъ кротокъ ремесломъ.

Начальникъ Стражи.

Ну ладно, дальше.

Рыбакъ.

Вотъ, значить, выловилъ я разъ карпа. Началь потрошить, а въ брюхѣ у него это самое кольцо, перстень великолѣпный. Вотъ я его и продавалъ, а вы, господа добрые, тутъ какъ тутъ и заграбастали, значить, меня. Этимъ самымъ способомъ только и получилъ кольцо. А теперь хоть убейте, я не виновать.

Начальникъ Стражи.

(Нюхая кольцо).

Кажется, тутъ дѣло чисто, Джанака. Въ рыбьемъ брюхѣ было это кольцо. Такой, знаешь, запашокъ отъ него. Теперь мы разузнаемъ, какъ онъ его добылъ. Надо прямо идти во Дворецъ.

Два Стражника. (Къ Рыбаку).

Двигайся, двигайся, карманникъ. (Идутъ).

Начальникъ Стражи.

Сучака, вы здѣсь подождите, у главныхъ воротъ, пока я не выйду изъ Дворца. И смотрите въ оба.

Два Стражника.

Иди, господинъ. Царь, надо думать, будетъ милостивъ къ тебѣ.

Начальникъ Стражи.

Счастливо оставаться. (Уходятъ).

Сучака.

Джанака, а начальникъ нашъ не торопится тамъ.

Джанака.

Царя то вѣдь не поторопишь запросто.

Сучака.

Джанака, чешутся у меня руки—(Указывая на Рыбака)—на мѣстѣ положить этого карманника.

Рыбакъ.

Безъ всякой причины зачѣмъ убивать человѣка.

Джанака. (Смотря впередъ).

Вонъ начальникъ идетъ, и съ бумагой отъ Царя. (Къ Рыбаку). Ну, теперь или своихъ увидишь, или воронамъ и шакаламъ на кормъ пойдешь. (Входитъ Начальникъ).

Начальникъ Стражи.

Живо! Живо! (Замолкаетъ на полусловѣ).

Рыбакъ.

О, о! Порѣшенный я человѣкъ, значитъ. (Выказываетъ уныніе).

Н а ч а л ь н и к ъ С т р а ж и .

Развяжите его, вы. Свободенъ рыбный человѣкъ. Все въ порядкѣ насчетъ кольца. Царь самъ мнѣ это сказалъ.

С у ч а к а .

Отлично, хорошо, господинъ. Былъ мертвый человѣкъ, и живъ. (Развязываетъ у Рыбака руки).

Р ы б а к ъ .

(Низко кланяясь Начальнику Стражи).

Владыка, жизнью тебѣ обязанъ. (Падаетъ къ его ногамъ).

Н а ч а л ь н и к ъ С т р а ж и .

Хорошо, хорошо. Вотъ въ награду посылаетъ тебѣ Царь, по добротѣ своей. Какъ разъ столько стоитъ, сколько перстень. Возьми. (Вручаетъ Рыбаку запястье).

Р ы б а к ъ . (Радостно беря запястье).

Покорнѣйше благодарю.

Д ж а н а к а .

Покорнѣйше нужно благодарить Царя. Вѣдь прямо на висѣлицѣ, можно сказать, былъ, и вотъ словно на слонѣ ѣдетъ.

С у ч а к а .

Господинъ начальникъ, Царь, надо думать, очень цѣнилъ это кольцо, а то бы не далъ такой награды. Вѣрно камень въ немъ большой цѣны.

Начальникъ Стражи.

Нѣтъ, не то, что камень тутъ цѣнный, любо было царю. Другое тутъ было.

Два Стражника.

А что жь?

Начальникъ Стражи.

Какъ глянулъ онъ на кольцо, кого-то Царь, вѣрно, припомнилъ, кого онъ любитъ. Какъ увидѣлъ его, такъ слезами и залился. А вы знаете, это на него непохоже.

Сучака.

Хорошую службу ты сослужилъ Царю, господинъ.

Джанака.

И все изъ-за этого убійцы рыбъ, какъ видится. (Съ завистью смотреть на Рыбака).

Рыбакъ.

Берите половину, люди добрые, чтобы было на что выпить.

Джанака.

Ну, рыбакъ, ты самый что ни на есть разлюбезный мнѣ другъ и пріятель. Первое дѣло теперь пойдемъ туда, гдѣ выпить можно. Припечатаемъ дѣльце. (Всѣ уходятъ).

(Дворцовый садъ).

(Появляется Мишракеши, пролетая въ воздухѣ).

САКУНТАЛА.

Мишракеши.

Мой чередъ былъ служить Небеснымъ Дѣвамъ. А теперь посмотрю, что тутъ дѣлаетъ добрый Царь. Сакунтала почти такая какъ и я, вѣдь она дочь Менаки. И это Менака просила меня о ней освѣдомиться. (Осматривается). Что же это значить? Сегодня праздникъ Весны, а я не вижу здѣсь никакихъ приготовленій къ нему. Я могла бы узнать причину этого силой моего прозрѣнія. Но я сдѣлаю такъ, какъ просила меня моя подруга. Хорошо. Сдѣлаюсь невидимкой, и стану рядомъ съ дѣвушками, что здѣсь въ саду. Такъ все и разужнаю. (Сходитъ на землю. Входитъ Дѣвушка, смотритъ на манговую вѣтвь, за нею слѣдомъ идетъ другая).

Первая Дѣвушка.

Первая вѣтка цвѣтистаго манго
Свѣтитъ какъ вѣстникъ Весны,
Красно-зеленый расцвѣтъ благодати,
Счастіе мнѣ наколдуй.

Вторая Дѣвушка.

Что ты тамъ щебечешь про себя, кукушечка?

Первая Дѣвушка.

Ахъ, пчелка, ты знаешь вѣдь, если кукушка увидитъ, что манго цвѣтеть, у ней головка отъ радости кружится.

Вторая Дѣвушка. (Радостно).

Ахъ, неужели же вправду Весна пришла?

Первая Дѣвушка.

Пришла, пчелка. Какъ разъ время и тебѣ потерять голову, и жужжать-жужжать.

Вторая Дѣвушка.

Подружка, поддержи меня, а я встану на цыпочки, и цвѣтокъ этотъ въ жертву Любви принесу, на счастье.

Первая Дѣвушка.

Хорошо, только чуръ половину того счастья мнѣ.

Вторая Дѣвушка.

Что жъ объ этомъ говорить, подружка, — мы двѣ какъ одно. (Опирается на подругу и срываетъ цвѣтокъ манго). Гляди, погляди. Цвѣтокъ еще не раскрылся, а одѣжка его ужъ порвалась, и пахнетъ онъ такъ душисто. (Складывая руки). Я молюсь полновластной Любви.

Вѣтку манго въ даръ да приметъ

Пятистрѣльный богъ Любви,

Мѣткій лукъ свой напрягая,

Въ сердце, спящее вдали,

Пусть владыка нѣжной страсти

Сердце дальняго пронзить,

А у дѣвушки тѣ стрѣлы

Пусть ударятся о щить.

(Бросаетъ цвѣтокъ манго вверхъ. Входитъ Царедворецъ).

Царедворецъ. (Гнѣвно).

Стой, глупая. Царь строго на строго запретилъ праздновать праздникъ Весны. А вы тутъ смѣете срывать цвѣты манго?

Двѣ Дѣвушки. (Испуганныя).

Прости насъ, владыка. Мы не знали этого.

Царедворецъ.

Какъ? Вы не слыхали о повелѣніи Царя, которому даже деревья повинуются, и птицы, которыя на нихъ гнѣзда вьютъ? Смотрите же:—

Ужь время манго расцвѣсти,—

Цвѣтокъ раскрыться не желаетъ,

Ужь амарантъ совсѣмъ зардѣлъ,—

Не можетъ почка распуститься,

Пора студеная прошла,—

И все жь кукушка не кукуетъ,

И даже богъ Любви, колчанъ

Схвативъ, лишь стрѣлы полувынулъ.

Мишракеши.

Сомнѣнія нѣтъ. Этотъ добрый Царь имѣетъ чудодѣйственную власть.

Первая Дѣвушка.

Только нѣсколько дней тому назадъ, владыка, насъ послалъ къ Государю шуринъ его, Митравасу, чтобы работать въ саду. Вотъ почему мы ничего объ этомъ и не слыхали.

Царедворецъ.

Не дѣлайте этого другой разъ.

Двѣ Дѣвушки.

Владыка, насъ любопытство разбираетъ. Если можно намъ, по малости нашей, знать, просимъ тебя, Расскажи намъ, владыка. Почему Высокій Повелитель нашъ запретилъ праздновать Весну?

Мишракеши.

Цари очень любятъ празднества. Тутъ должна быть какая-нибудь уважительная причина.

Царедворецъ. (Къ самому себѣ).

Объ этомъ всѣ говорятъ. Почему бы мнѣ не рассказать? (Громко). Вы вѣрно слышали разные пересуды насчетъ того, что царь отвергъ Сакунталу?

Двѣ дѣвушки.

Да, владыка. Царскій шуринъ говорилъ намъ, онъ намъ все рассказалъ до того самаго, какъ кольцо было найдено.

Царедворецъ.

Мало что еще остается рассказать. Когда Государь увидалъ кольцо, онъ вспомнилъ, что дѣйствительно онъ вступилъ въ тайное супружество съ Сакунталой и отвергъ ее, подчиняясь заблужденію. Тогда на него напало раскаяніе.

Все, что любилъ, теперь онъ ненавидить,
Не засѣдаетъ больше онъ въ судѣ,
Ни подданныхъ къ себѣ не допускаетъ,
Проводить ночи цѣлыя безъ сна,
А иногда, желая быть учтивымъ,
Съ красавицей какой заговорить,
И, спутавъ имя, замолчить смущенный.

Мишракеши.

Это слышать мнѣ пріятно.

Царедворецъ.

Скорбь Его Величества возбранила праздникъ.

Двѣ Дѣвушки.

Это вполнѣ справедливо.

Голосъ за сценой.

Прошу пожаловать сюда.

Царедворецъ. (Прислушиваясь).

А, самъ Государь идетъ сюда. Уходите и дѣлайте свое дѣло. (Двѣ Дѣвушки уходятъ. Входитъ Царь, въ покаянной одеждѣ, съ нимъ Шутъ и Привратница).

Царедворецъ. (Наблюдая за Царемъ).

Достойный ликъ чаруетъ во всякомъ состояннѣ. Такъ Государь красивъ даже въ скорби. Вотъ—

Съ себя всѣ снялъ онъ украшенья,
И лишь запястіе одно
Руки прикраса исхудалой,
Читаешь скорбь во всемъ лицѣ,
Отъ вздоховъ поблѣднѣли губы,
Воспалены, безъ сна, глаза,
Но всѣ такія испытанья
Величье красоты его
Не затемняютъ,—лишь свѣтлѣетъ
Въ шлифовкѣ искристѣй алмазъ.

Мишракеши. (Наблюдая за Царемъ).

Не удивительно, что Сакунтала томится по немъ, даже теперь, когда онъ отвергъ ее.

Царь.

(Идетъ медленно, погруженный въ задумчивость).

Увы, мое скорбное сердце на мигъ задремало,
Во снѣ услыхало, какъ горестно плачетъ она,
Во снѣ увидало печальныя очи газели,
Проснулось, чтобъ плакать и плакать и горько жалѣть.

Мишракеши.

А бѣдная дѣвушка какъ разъ то же самое испытываетъ.

Шутъ. (Къ самому себѣ).

У него опять приступъ Сакунталовой лихорадки. Хотѣлось бы мнѣ знать, какъ его вылѣчить.

Царедворецъ. (Выступая впередъ).

Побѣда тебѣ, Государь. Я осмотрѣлъ сады. Высокій Повелитель можетъ посѣтить ихъ.

Царь.

Ветравати, поди и скажи отъ моего имени верховному судѣ Писунѣ, что я провелъ ночь безъ сна и не могу засѣдать на престолѣ правосудія. Пусть онъ самъ разслѣдуетъ дѣла гражданъ и пошлетъ мнѣ докладъ.

Привратница.

Слушаю, Государь. (Уходитъ).

Царь.

И ты, Парватайяна, вернись къ своимъ обязанностямъ.

Царедворецъ.

Слушаю, Государь. (Уходитъ).

Шутъ.

Отъ нечисти ты освободился. Позабавься же теперь въ саду. Студеная пора прошла, и здѣсь теперь хорошо.

Царь. (Вздыхая).

Другъ, пословица правду говорить: Несчастье и въ щель войдетъ. Взгляни.

Едва увидѣлъ я кольцо,
Какъ вспомнилъ я о ней,

Чтобъ плакать въ праздничный приходъ
Весеннихъ этихъ дней.

Чуть съ мысли помнящей моей
Упала пелена,
На манго цвѣтъ расцвѣлъ стрѣлой,
Ко мнѣ летитъ она.

Ш у т ь.

Подожди-ка минутку, пріятель. Эту любовную стрѣлу я палкой, я палкой. (Замахивается палкой на манговую вѣтвь).

Ц а р ь. (Улыбаясь).

Довольно. Я вижу благочестивыя твои старанія, и власть твоя велика, нѣтъ сомнѣнья. Другъ, гдѣ бы присѣсть мнѣ сейчасъ, чтобы усладить взоръ видомъ лозы? Это напомнило бы мнѣ ее.

Ш у т ь.

Ты сказалъ одной изъ дѣвушекъ, такъ хорошо умѣющей рисовать, что ты хочешь провести этотъ часъ въ жасминной бесѣдкѣ. И ты велѣлъ принести туда портретъ владычицы Сакунталы, который ты самъ нарисовалъ.

Ц а р ь.

Въ этомъ единственное мое утѣшеніе. Идемъ въ жасминную бесѣдку.

Ш у т ь.

Иди за мной. (Они идутъ. Мишракеши идетъ за ними). Вотъ жасмины, вотъ бесѣдка, скамьи въ самоцвѣтахъ. Такъ здѣсь

тихо, точно все молча говорить—добро пожаловать. Войдемъ и сядемъ. (Входятъ и садятся).

Мишракеши.

Спрячусь въ зелени и взгляну на портретъ милой дѣвушки. Тогда смогу сказать, насколько глубока любовь къ ней ея супруга. (Прячется).

Царь. (Вздыхая).

Все помню теперь, другъ мой. Я говорилъ тебѣ, какъ я въ первый разъ встрѣтился съ Сакунталой. Это вѣрно, что тебя не было со мной, когда я отвергъ ее. Но я раньше говорилъ тебѣ о ней. Почему ты молчалъ это время, или ты тоже забылъ ее, какъ я?

Мишракеши.

Это значить, что Царю не нужно ни на минуту разлучаться съ какимъ-нибудь завѣтнымъ другомъ.

Шутъ.

Нѣтъ, я-то не забылъ. Но ты вѣдь, когда рассказаль мнѣ все, сказалъ мнѣ, что это лишь не болѣе какъ шутка. Я былъ достаточно глупъ, чтобы повѣрить тебѣ. Но это все дѣло Судьбы.

Мишракеши.

Вѣрно, такъ.

Царь.

(Послѣ нѣкотораго размышленія).

Помоги мнѣ, другъ.

Ш у т ь.

Но, пріятель, это все не дѣло, знаешь. Благой человѣкъ никогда да не дѣлаетъ изъ своей души сосудъ печали. На гору вѣтеръ дуетъ, гроза несется, а гора стоитъ себѣ спокойно.

Ц а р ь.

Все во мнѣ спуталось. Я думаю о томъ, въ какомъ она была горестномъ состояніи, когда я отвергъ ее.

Когда я отъ нея отрекся,

Она хотѣла за своими

Пойти назадъ,

Но ученикъ одинъ, который

Такъ схожъ съ отцомъ ея, вдругъ крикнулъ: —

„Останься здѣсь“!

И вмигъ, застывъ, она осталась,

Остановилась, обернулась,

О, горькій взглядъ!

На безсердечнаго смотрѣла,

И взглядъ ея, отъ слезъ туманный,

Какъ ядъ во мнѣ.

М и ш р а к е ш и.

Какъ онъ мучается виной своей.

Ш у т ь.

Что жъ, я не сомнѣваюсь, что это какое-нибудь небесное существо унесло ее.

Царь.

Кто бы иной посмѣлъ прикоснуться къ вѣрной супругѣ? Ея подруги говорили мнѣ, что мать ея небесная дѣва Менака. Сердце мое говоритъ мнѣ, что это она унесла Сакунталу, или ея подруги.

Мишракеши.

Его безуміе было удивительно, не его пробуждающійся разсудокъ.

Шутъ.

Но если такъ, ты долженъ ободриться. Вы встрѣтитесь опять.

Царь.

Почему?

Шутъ.

А какъ же, отецъ и мать не долго терпятъ, чтобы дочь была разлучена съ супругомъ.

Царь.

Другъ,—

То было затменье ли разума,
То было ли сномъ, заблужденіемъ,
Иль дѣлъ моихъ добрыхъ сокровище

Окончилось именно тутъ,—

Но счастію нѣтъ возвращенія,

И мы никогда не увидимся,

Всѣ чаянья сердца обрушились

Въ крутой и бездонный обрывъ.

Шутъ.

Не говори такъ. Развѣ случай съ кольцомъ не показываетъ, что самыя неправдоподобныя встрѣчи случаются.

Царь. (Смотря на кольцо).

Это кольцо пожалѣть нужно. Оно упало съ такого неба, котораго трудно достигнуть.

Вѣрно, кольцо, и твои всѣ достоинства,
Какъ и мои, оказались малыми, —
Съ нѣжнаго пальца, какъ роза прекраснаго,
Какъ же иначе упало бы ты?

Мишракеши.

Если бы оно было на чьей-нибудь другой рукѣ, тогда нужно было бы о немъ пожалѣть. Милая дѣвушка, ты далеко. И только я здѣсь слышу всѣ эти радостныя слова.

Шутъ.

Разскажи мнѣ, какъ ты надѣлъ ей на палецъ кольцо.

Мишракеши.

Онъ говоритъ такъ, точно это я ему нашептала ихъ изъ любопытства.

Царь.

Слушай, другъ. Когда я уходилъ изъ благочестивой рощи въ городъ, любимая моя плакала и говорила: „Долго ли, милый, будешь помнить меня?“

Шутъ.

Ну, а ты?

Царь.

Тогда я надѣлъ ей на палецъ этотъ именной перстень,
и сказалъ ей:—

Шутъ.

Ну же, что?

Царь.

День за днемъ читай по буквѣ

Въ имени моемъ,

До конца не дочитаешь,

За тобой придутъ.

И безумный, безумный, я забыть, и никого не послалъ
за ней.

Мишракеши.

Какъ это было чудесно. А Судьба разстроила.

Шутъ.

Но какъ же это кольцо угодило карпу въ брюхо, словно
крючокъ съ удочки?

Царь.

Когда въ Сачитиртѣ она молилась Гангу, оно соскользнуло
и упало.

Шутъ.

Вотъ оно что.

Мишракеши.

Такъ вотъ почему благой Царь усомнился въ своемъ
супружествѣ съ бѣдняжкой Сакунталой. Но такая любовь не
спрашиваетъ талисмана и примѣтъ. Какъ же это могло быть?

Царь.

Въ концѣ концовъ, я лишь кольцо могу во всемъ упрекать.

Шутъ. (Улыбаясь).

А я вотъ эту палку мою буду упрекать. Ты что жь, пріятельница, такая кривая, когда я прямой?

Царь. (Не слушая его).

Какъ только могъ ты медлить,

О, вѣроломный перстень,

На розовомъ томъ пальцѣ,

И въ воду соскользнуть?

Но вещи, что бездушны,

Вѣдь красоты не знаютъ,

А какъ же я, разумный,

Ту презривъ красоту?

Мишракеши.

Онъ самъ себѣ сказалъ, а то бы я ему отвѣтила.

Шутъ.

Тутъ нѣтъ, однако, ни малѣйшаго основанія, чтобы я помиралъ съ голоду.

Царь.

(Не обращая никакого вниманія).

О, желанная, сердце мое горитъ раскаяніемъ, оттого что я покинулъ тебя безъ всякаго смысла. Сжался надо мной. Дай мнѣ увидѣть тебя опять. (Входитъ Дѣвушка съ картиной).

Дѣвушка.

Вотъ, Государь, я принесла портретъ нашей владычицы.
(Ставить картину).

Царь. (Смотря на нее).

Прекрасно, прекрасно. Посмотри:—

Надъ большими глазами изящныя брови приподняты,
И отъ бѣлыхъ зубовъ на губахъ отражается свѣтъ,
Улыбается свѣтъ, ротъ же красенъ, какъ плодъ аромат-
нѣйшій,

Лучезарность любви по всему разлилася лицу,
Вся картина живетъ, и о ней говорить для глядящаго,
Это образъ ея, но какъ будто сама она здѣсь.

Шутъ. (Смотря на портретъ).

Все въ картинѣ полно нѣжнаго значенія. Глаза мои точно
спотыкаются то тутъ, то тамъ. Чтѣ больше могу сказать?
Жду, чтобъ она ожила и заговорила.

Мишракеша.

Царь хорошій живописецъ. Мнѣ кажется, что я вижу
милую дѣвушку передъ собой воочию.

Царь.

Другъ,—

Если что въ портретѣ некрасиво, здѣсь,

То отъ неумѣнья моего,

Нѣчто изъ ея очарованія

Все жъ возсоздалъ я.

Мишракеши.

Это понятно, если любовь еще обострена раскаяніемъ.

Царь. (Вздыхая).

Ее оттолкнулъ я съ презрѣніемъ,
Признать я ее не сумѣлъ,
И вотъ предъ картиною чарь ея
Терзается сердце мое.
Я путникъ, что былъ предъ теченіемъ
Живой многоводной рѣки,
И хочетъ напиться, изжаждавшись,
Въ пустынь увидѣвъ миражъ.

Шутъ.

Я вижу на картинѣ трехъ, и всѣ онѣ красивы очень.
Кто же изъ нихъ владычица Сакунтала?

Мишракеши.

Этотъ бѣдняжка никогда не видалъ красоты ея. Глаза
его бесполезны, ибо ни разу она не представала передъ
ними.

Царь.

Ну, какъ ты думаешь?

Шутъ. (Смотря внимательно).

Я думаю, что вотъ это она, та, что касается лѣаны, ко-
торую она только что обрызгала водой. Лицо у нея разго-
ричилось, и цвѣты падаютъ изъ волосъ, потому что лента

САКУНТАЛА.

развязалась. Руки ея поникають, точно усталыя вѣтви. Она распустила свой поясъ, и кажется нѣсколько утомленной. Это, я думаю, и есть владычица Сакунтала, а двѣ другія— ея подруги.

Царь.

Ты хорошій угадчикъ. Притомъ же, тутъ рядомъ свидѣтельства моей любви.

Здѣсь я рукой коснулся нѣжно,
И краска нѣсколько сошла,
А здѣсь два-три пятна остались,
Слѣды отъ горькихъ слезъ моихъ.

Чатурика, я еще не кончилъ задній фонъ. Поди принеси мнѣ кисти.

Дѣвушка.

Мадгавія, пожалуйста поддержи пока эту картину.

Царь.

Я самъ подержу ее. (Держить. Дѣвушка уходитъ).

Шутъ.

Что ты хочешь прибавить?

Мишракеша.

Конечно всѣ тѣ мѣста, что милая дѣвушка такъ любила.

Царь.

Слушай же, другъ.

Потокъ Малины изображу я, течение водъ,
Тамъ лебедь къ лебедю прижался на берегу,

Вдали святѣя Гималаи, тѣснины горъ,
По склонамъ зрѣмы антилопы, и тутъ, и тамъ,
Висятъ отшельниковъ одежды среди вѣтвей,
И трется глазомъ лань тихонько о рогъ самца.

Шутъ. (Въ сторону).

Послушать его, такъ подумаешь, что онъ, пожалуй, всю картину заполнить боролатыми отшельниками.

Царь.

И еще одно украшеніе, которое Сакунтала любила, я забылъ нарисовать.

Шутъ.

Что именно?

Мишракеши.

Что-нибудь подходящее къ дѣвушкѣ, живущей въ лѣсу.

Царь.

Сирись—цвѣтокъ въ волосахъ, возлѣ уха,
Тычинки цвѣтка прикоснулись къ щекѣ,
И лотосы, точно осеннія луны,
Ихъ нѣжная перевязь между грудей.

Шутъ.

Но почему закрываетъ она лицо свое руками, этими нѣжными пальцами, чьи кончики какъ кончики розовыхъ лотосовъ? Она чего-то, какъ будто, испугалась. (Смотрить съ

удвоенной внимательностью). А, вижу. Тутъ злая, смѣлая пчела. Она воруетъ медъ, и потому летитъ къ ея лилейному лику.

Царь.

Прогони ее.

Шутъ.

Это твое дѣло—наказывать зломыслящихъ.

Царь.

Правда. Любезная гостыя цвѣтущей лозы, ты чего тутъ жужишь и даромъ время тратишь?

Ты вьешься тутъ, а твой дружокъ,

Твоя звенящая подруга,

Усѣлась рядомъ на цвѣтокъ,

И медъ не хочетъ пить безъ друга.

Мишракеши.

Какой благородный способъ удалять назойливыхъ.

Шутъ.

Эта порода настойчива, даже когда предостерегаютъ.

Царь. (Съ гнѣвомъ).

Ты не желаешь слушаться моихъ приказаній? Такъ слушай же:—

Если къ нѣжному цвѣтку

Ты посмѣешь прикоснуться,

Если тронешь ты тотъ ротъ,

Гдѣ я пилъ усладу счастья,

Эту дерзость я твою
 Накажу безъ снисхожденя,
 И тебя запру въ цвѣтокъ,
 Будешь въ лотосѣ—въ темницѣ.

Ш у т ь.

Ну, этимъ ты ее не очень устроишь. (Смѣется. Къ самому себѣ). Онъ прямо свихнулся. И я впрочемъ хорошъ, что время съ нимъ здѣсь коротаю.

Ц а р ь.

Она не хочетъ улетѣть, несмотря на мои предостереженія?

Мишракеши.

Странная переменъ вызываетъ любовь даже въ достойномъ и смѣломъ человѣкѣ.

Ш у т ь. (Громко).

Человѣче добрый, вѣдь это же только картина.

Ц а р ь.

Картина?

Мишракеши.

Я и то позабыла объ этомъ. А онъ—весь въ своихъ мысляхъ.

Ц а р ь.

Недобрую услугу ты мнѣ оказалъ.

Я гресиль, будто она со мною,
 Къ ней сердце билось горячо,

Но ты заставилъ меня все вспомнить,
И вотъ любовь моя—лишь тѣнь.
(У него выступаютъ на глазахъ слезы).

Мишракеши.

Странно играетъ имъ Судьба.

Царь.

Другъ, какъ же вынести мнѣ скорбь, которая безъ перерыва?

Я ночью не могу уснуть,
Чуть задремлю, она со мною,
Проснусь и плачу, нѣтъ ея,
Лишь тутъ—портретъ, какъ очеркъ дымный.

Мишракеши.

Другъ мой, ты искупилъ—и это въ присутствіи ея подруги—ты воистину искупилъ пытку, которую доставилъ милой Сакунталѣ, оттолкнувъ ее. (Входитъ дѣвушка Чатурика).

Дѣвушка.

Государь, я шла сюда и несла ящикъ съ кистями.

Царь.

Ну?

Дѣвушка.

Мнѣ встрѣтилась Царица Васумати съ дѣвушкой Пингаликой. И Царица выхватила у меня ящикъ, сказавъ: „Я сама отнесу его Царю“.

Шутъ.

Какъ же ты ускользнула?

Дѣвушка.

У Царицы платье зацѣпилось за вѣтку. И пока ея дѣвушка отцѣпляла ей платье, я давай Богъ ноги.

Голосъ за сценой.

Сюда, сюда, Повелительница.

Шутъ. (Прислушиваясь).

Человѣче, дворцовая тигрица приготовилась къ прыжку и сейчасъ пожретъ эту дѣвушку.

Царь.

Другъ, Царица идетъ сюда, ибо чувствуетъ, что ея честь затронута. Позаботься ужъ лучше объ этой картинѣ.

Шутъ.

„И о самомъ себѣ“, нужно было бы добавить. (Береть картину и встаетъ). Если выйдешь изъ западни живымъ, заходи ко мнѣ въ Облачный Чертогъ. А я ужъ тамъ это спрячу, такъ что развѣ голубь найдетъ. (Убѣгаетъ).

Мишракеши.

Хоть сердце его предано другой, онъ учтивъ къ прежнему своему пламени. Онъ другъ постоянный. (Входитъ Привратница, держа въ рукахъ докладъ).

Привратница.

Побѣда Высокому Властителю.

Царь.

Ветравати, ты не повстрѣчала Царицу Васумати?

Привратница.

Да, Государь. Она шла сюда, но вернулась, увидавъ, что я несу докладъ.

Царь.

Царица всему знаетъ часъ и время. Она не хочетъ мѣшать мнѣ, когда я занятъ.

Привратница.

Государь, Верховный Судья посылаетъ сказать, что разныя дѣла требуютъ его вниманія, и онъ могъ разсмотрѣть дѣло лишь одного гражданина. Объ этомъ онъ составилъ для Повелителя докладъ.

Царь.

Дай мнѣ его. (Привратница подаетъ докладъ).

Царь. (Читаетъ.)

„Да благоугодно будетъ вѣдать Его Величеству. Купецъ-мореходъ по имени Дганавриддги погибъ во время кораблекрушенія. Онъ бездѣтенъ, и все его имущество, весьма большое, приходится по закону царской коронѣ. Да благоугодно будетъ Государю отдать соотвѣтствующее распо-

ряженіе“. (Съ печалью). Это ужасно быть бездѣтнымъ. Ветравати, онъ былъ очень богатъ. У него, навѣрно, нѣсколько женъ. Пусть сдѣлають справку. Быть можетъ, между женъ есть какая-нибудь, что ожидаетъ рожденія ребенка.

Привратница.

Какъ разъ сейчасъ сообщали, что одна купеческая дочь изъ города Сакеты его жена, и скоро должна стать матерью.

Царь.

Ея ребенокъ долженъ получить наслѣдство. Иди и сообщи Верховному Судѣ.

Привратница.

Слушаю, Государь. (Идетъ).

Царь.

Подожди минутку.

Привратница. (Возвращаясь).

Слушаю, Государь.

Царь.

Къ концѣ концовъ, неужели это что-нибудь значить, есть у него наслѣдники или нѣтъ.

Да будетъ всѣмъ возвѣщено,

Что, если кто скорбитъ о смерти

Родного, пусть родного онъ

Въ царѣ имѣетъ Душіантѣ.

Привратница.

Объ этомъ будетъ тотчасъ возвѣщено. (Выходить и быстро возвращается). Высокій Повелитель, царская воля возвѣщена, и народъ встрѣтилъ эту вѣсть, какъ цѣлебный дождь, когда онъ приходитъ своевременно.

Царь. (Вздыхая глубоко).

Да, нѣтъ наслѣдника, и богатство прахомъ пойдетъ, чужому достанется, когда помретъ глава семьи. Вотъ и я такъ, помру—и окончится слава рода Пуру.

Привратница.

Небо да отвратить такое предсказаніе.

Царь.

Увы! Я презрѣлъ счастье, которое само шло ко мнѣ.

Мишракеши.

Нѣтъ сомнѣнія, онъ думаетъ о милой Сакунталѣ, когда онъ такъ упрекаетъ себя.

Царь.

Какъ могъ я оттолкнуть достойную супругу,

Въ чьемъ лонѣ будущая жизнь моя была,

Которую она лелѣяла до часа,

Какъ пашня—сѣмена, какъ лугъ—побѣги травъ?

Мишракеши.

Теперь ужъ разлука продлится недолго.

Дѣвушка. (Къ Привратницѣ).

Докладъ Судьи только удвоилъ скорбь нашего Повелителя. Поди въ Облачный Чертогъ и приведи Мадгавію, чтобы онъ разсѣялъ Государя.

Привратница.

Добрая мысль. (Уходитъ).

Царь.

Увы! Предки Душіанты пребываютъ въ опасности.

Бездѣтенъ я, и вотъ они не знаютъ,

Кто изъ дѣтей, за смертію моею,

Имъ принесетъ, какъ должно, возліянье,

И слезы ихъ—приправа слезъ моихъ.

Мишракеши.

Онъ не видитъ свѣта, онъ совсѣмъ во тьмѣ.

Дѣвушка.

Не скорби такъ, Государь. Ты въ расцвѣтѣ лѣтъ своихъ, и рожденіе сына отъ одной или другихъ твоихъ супругъ сдѣлаетъ тебя безпречнымъ передъ твоими предками. (Къ самой себѣ). Онъ не слушаетъ меня. Въ каждомъ недугѣ свое нужно снадобье.

Царь. (Выражая скорбь).

Конечно,—

Царскій родъ былъ подобенъ рѣкѣ,

Многоводной и чистой,

А съ бездѣтнымъ царемъ—онъ ручей,
Что въ пустынь засохъ. (Лишается чувствъ).

Дѣвушка. (Въ тревогѣ).

Государь, Государь, приди въ себя.

Мишракеши.

Сдѣлать его сейчасъ же счастливымъ? Нѣтъ, я слышала, какъ Мать Боговъ утѣшала Сакунталу. Она говорила, что Боги, нетерпѣливаясь о жертвоприношеніяхъ, скоро доставятъ ему радость встрѣчи съ любимой женой. Не буду больше медлить. Пойду утѣшу милую Сакунталу этими вѣстями.
(Выходить и улетаетъ по воздуху).

Голосъ за сценой.

Помогите! Помогите!

Царь.

(Приходить въ себя и слушаетъ).

Это какъ будто голосъ Мадгавіи. Что съ нимъ?

Дѣвушка.

Я надѣюсь, Государь, что Пингалика и другія дѣвушки не поймали бѣднаго Мадгавію съ картиной.

Царь.

Иди, Чатурика, и скажи Царицѣ, что я упрекаю ее за то, что она не можетъ удержать своихъ слугъ.

Дѣвушка.

Слушаю, Государь. (Уходитъ).

Голосъ.

Помогите! Помогите!

Царь.

Голосъ Брамана, по видимости, даже измѣнился отъ страха.
Кто тамъ есть? (Входитъ Царедворецъ).

Царедворецъ.

Что повелить Ваше Величество?

Царь.

Посмотри тамъ, почему бѣдный Мадгавія такъ кричитъ?

Царедворецъ.

Я узнаю. (Выходитъ и возвращается, дрожа).

Царь.

Парватайяна, я надѣюсь, что ничего страшнаго не случилось.

Царедворецъ.

Я надѣюсь.

Царь.

Такъ почему же ты такъ дрожишь?

Зачѣмъ же трепеть, что рождень

Преклоннымъ возрастомъ твоимъ,

Твои всѣ члены охватилъ,

Какъ листья въ вѣтрѣ ты дрожишь.

Царедворецъ.

Спаси своего друга, Владыка.

Царь.

Въ чемъ дѣло?

Царедворецъ.

Онъ въ великой опасности.

Царь.

Говори же ясно.

Царедворецъ.

Въ Облачномъ Чертогѣ, открытомъ всѣмъ четыремъ
вѣтрамъ небеснымъ...

Царь.

Что же тамъ случилось?

Царедворецъ.

Когда онъ медлилъ въ высотѣ,

Куда павлинъ не долетитъ,

Внезапно схваченъ былъ—но кѣмъ,

Иль чѣмъ, отсюда не видать.

Царь. (Быстро вставая).

Самый дворецъ мой во власти злыхъ духовъ. Быть Царемъ, это значить быть разочарованнымъ.

Въ чемъ-нибудь всегда ошибка,

Здѣсь споткнешься каждый день,—

Какъ же тотъ, кто править царствомъ,

Можетъ каждымъ править въ немъ?

Г о л о с ь.

Спѣшите! Спѣшите!

Ц а р ь.

(Слышитъ голосъ и ускоряетъ шаги).

Не бойся, другъ.

Г о л о с ь.

Не бойся. Когда что-то ухватило меня за шею сзади, и старается переломить мой спинной хребетъ, какъ сахарный тростникъ.

Ц а р ь. (Осматривается).

Лукъ. Лукъ сюда. (Входитъ Гречанка съ лукомъ).

Г р е ч а н к а.

Вотъ лукъ и стрѣла, Государь. (Царь беретъ лукъ и стрѣлы).

Другой голосъ за сценой.

Кривляйся, сколько хочешь, я выпью кровь твою,
Какъ тигръ, когда скотину захватитъ въ когти онъ,
И пусть за лукъ схватился Царь Душіанта самъ,
Какъ сможетъ царской мощью тебя онъ здѣсь спасти?

Ц а р ь. (Съ гнѣвомъ).

Онъ еще смѣетъ издѣваться. Въ одинъ мигъ ты погибнешь, презрѣнный демонъ. (Натягиваетъ тетиву). Гдѣ лѣстница, Парватайяна?

Ц а р е д в о р е ц ь.

Здѣсь, Государь. (Всѣ спѣшать).

Царь. (Осматриваясь).

Но здѣсь никого нѣтъ.

Голосъ Шута.

Спаси меня! Спаси меня! Я вижу тебя, хоть ты меня не видишь, Я какъ мышь въ когтяхъ у кошки. Я погибъ.

Царь.

А, ты гордишься твоей невидимостью! Но стрѣла моя не увидитъ ли тебя? Стой смирно. Не надѣйся ускользнуть оттого, что ты уцѣпился за моего друга.

Лукъ мой согнулся, стрѣла полетитъ,

Злого убьетъ и не тронетъ невиннаго,—

Если съ водою смѣшать молоко,

Выпьетъ фламинго лишь капли молочныя.

(Онъ цѣлится. Входятъ Матали и Шутъ).

Матали.

О Царь, какъ Индра, Царь Боговъ, велитъ,—

Ищи враговъ лишь между злобныхъ силъ,

И противъ нихъ стреми стрѣлу,

Когда жъ къ тебѣ приходитъ добрый другъ,

Ему дари лишь кроткій взглядъ.

Царь.

(Поспѣшно пряча стрѣлу въ колчанъ).

Это Матали. Привѣтъ Возницѣ Небеснаго Царя.

Ш у т ь.

Превосходно. Онъ чуть-чуть тамъ меня не ухлопаль, а ты его привѣтствуешь.

М а т а л и. (Улыбаясь).

Выслушай, Царь, съ какой цѣлью Индра посылаетъ меня къ тебѣ.

Ц а р ь.

Я слушаю.

М а т а л и.

Есть племя исполинскихъ демоновъ, что зовутся Трудно-побѣдимыми—это отродья многоголоваго демона, сторукаго Калянeми.

Ц а р ь.

Я слыхалъ о нихъ. Нарада мнѣ говорилъ, вѣстникъ Боговъ.

М а т а л и.

Тотъ богъ, что сотней жертвъ ты считаешь,

Сразить чудовища не могъ,

Но, если ты начнешь, какъ витязь, битву,

Исчадья тьмы ты порaziшь.

Онъ на семи коняхъ, на быстроногихъ,

На битву выѣзжалъ съ врагомъ,

Но выйди ты, чей праотецъ есть Мѣсяцъ,

Мракъ предъ Луною побѣжитъ.

Возьми же свой лукъ, взойди немедля на небесную колесницу, и—къ побѣдѣ.

САКУНТАЛА.

Царь.

Я признателенъ за честь, которую оказываетъ мнѣ Индра.
Но почему ты такъ поступилъ съ Мадгавіей?

Матали.

Я скажу тебѣ. Я увидѣлъ, что ты совсѣмъ захваченъ
какою-то внутренней скорбью, и поступилъ такъ, чтобы
разбудить тебя. Потому что—

Змѣя надуется и вспрянетъ,

Коли подразнишь ты ее,

Огонь немедля разгорится

Когда его пошевелишь,

И если храброго задѣнешъ,

Въ немъ вспыхнетъ битвенный огонь.

Царь.

Другъ Мадгавія, я долженъ повиноваться повелѣнію Не-
беснаго Царя. Поди сообщи Верховному Судьѣ Писунѣ обо
всемъ происшедшемъ и прибавь ему эти слова мои:—

За это время царствомъ править

Твоя лишь мудрость будетъ здѣсь,

Я жъ лукъ свой къ битвѣ приурочилъ,

Высокій подвигъ ждетъ меня.

Шутъ.

Превосходно. (Уходитъ).

Матали.

Взойди на колесницу. (Царь всходитъ на колесницу. Всѣ уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ СЕДЬМОЕ.

(Въ небесной колесницѣ, пролетая по воздуху, появляются Царь и Матали).

Царь.

Матали, хоть я исполнилъ то, что повелѣлъ мнѣ Индра, я считаю себя недостойнымъ слугой, когда припоминаю, какой онъ оказалъ мнѣ милостивый пріемъ.

Матали.

О, Царь, узнай, что каждый изъ васъ считаетъ себя должникомъ другого. Потому что—

Ты считаешь, что слишкомъ награда чрезмѣрна,

Ибо далъ ее Богъ, что проходить въ громахъ,

Онъ считаетъ, что эта награда ничтожна,

Ибо витеземъ быть ты въ побѣдномъ бою.

Царь.

О, нѣтъ. Честь, которую онъ оказалъ мнѣ, при разставаньи, превышаетъ всякую мечту. Передъ Богами, онъ посадилъ меня рядомъ съ собой на престолъ. И потомъ—

Онъ улыбнулся, потому что видѣлъ,

Что сынъ его, Джайянта, восхотѣлъ

Того же, и на шею мнѣ надѣлъ онъ
Вѣнокъ изъ вѣчно-красочныхъ цвѣтовъ,
Съ вѣтвей безсмертныхъ дерева мандары,
На нихъ была санталовая пыль,
Которой грудь себѣ раскрасилъ Индра.

М а т а л и.

Но чего бы ты не заслужилъ отъ Царя Небесъ? Вспомни.

Дважды Индра-миролюбецъ
Демона сразилъ,
Первый разъ пронзилъ когтями
Человѣка-Льва,
А второй—твоей стрѣлою,
Чей полетъ такъ прямъ.

Ц а р ь.

Это только указываетъ на величіе Индры. Вспомни.

Коль слуги свершаютъ великое дѣло,
Величье въ томъ воли, что слугамъ велить,—
Какъ могъ бы Аруна, живой зоревѣстникъ,
Сражать темноту, если бъ онъ не имѣлъ
Своей колесницы, чье имя есть Солнце?

М а т а л и.

Это чувство тебѣ къ лицу. (Помедливъ). Смотри, о, Царь.
Славѣ твоей посчастливилось,—она возвѣщена во всемъ
пространствѣ Небесъ.

Тѣми красками, которыми
Дѣвы Неба украшаютъ
Красоту свою,
Боги пишутъ на сплетеніяхъ
Листьевъ древа, что собою
Украшаетъ Рай,
Въ этой лѣтописи царственной,
Начертавши въ пѣснопѣніяхъ
Славный подвигъ твой.

Царь.

Матали, когда мы спѣшили сюда, я лишь думалъ о томъ, какъ бы поскорѣе сразить демоновъ, и не смотрѣлъ на дорогу. Скажи мнѣ, на какой тропинкѣ вѣтровъ находимся мы сейчасъ.

Матали.

Дорога вѣтра Паривага,
Гдѣ вѣчно свѣтитъ Семизвѣздье,
Сюда втекаетъ Млечный Путь,
Небесный Гангъ, съ тройнымъ потокомъ,
Что вьется вокругъ Земли и Неба,
И Преисподнюю звѣздить,
Съ тѣхъ поръ какъ Вишну, въ битвѣ съ Тьмою,
Шагнулъ и шагъ второй свой сдѣлалъ,
Нѣтъ Тьмы здѣсь черной никогда.

Царь.

Вотъ почему ясность исполняетъ меня, и духовно и тѣлесно. (Онъ смотритъ на путь, по которому летитъ колесница).
Мнѣ кажется, что мы спустились въ область облаковъ.

Матали.

Какъ ты замѣтилъ это?

Царь.

Я вижу, колесница свѣтлая
Летитъ по будущимъ дождямъ,
Черезъ колеса, между спицами,
Летятъ, сверкая, птицы грозъ,
Сверкаютъ кони въ блескъ молніи,
И влажны ободки колесъ.

Матали.

Ты правъ. И черезъ минуту ты будешь въ томъ мірѣ, которымъ ты правишь.

Царь. (Смотря внизъ).

Матали, быстрое нисхождение придаетъ міру людей таинственный видъ. Вотъ—

Ложбины словно падаютъ все ниже,
Все выше взмахъ взнесенныхъ горъ,
Нѣтъ въ чащѣ лѣса уголковъ укромныхъ,
И видны гнѣзда межъ вѣтвей.

Потоки, что казались узкой лентой,
 Являютъ многоводье рѣкъ,
 Какъ будто кто-то Землю кверху бросилъ,
 И вотъ она летитъ ко мнѣ.

М а т а л и.

Ты зорко видѣть умѣешь, о, Царь. (Смотритъ внизъ, съ благоговѣйнымъ чувствомъ). Какое благородное очарованіе въ Землѣ!

Ц а р ь.

Матали, что́ эта за гора? Склоны ея уходятъ къ Восточному морю и Западному морю. Отъ нея струится текучее золото, словно отъ облака въ часъ заката.

М а т а л и.

О, Царь, это Гора Златоверхая, Гемакута, Золотой Утесъ, Жилище конеглавыхъ. Здѣсь подвижники достигаютъ наибольшаго обладанія силою чудодѣйства.

Здѣсь Касіапа, отъ древнихъ дней,
 Отецъ существъ нечеловѣческихъ,
 Съ супругой строгою своей
 Живетъ невиданнымъ подвижникомъ.

Ц а р ь. (Съ благоговѣніемъ).

Я не могу пропустить столь благой случай. Да не послѣдую дальше, пока смиренно не обойду вокругъ святого.

М а т а л и.

Это достойная мысль, о, Царь. (Колесница спускается). Мы коснулись земли.

Ц а р ь. (Удивленный).

Матали,—

Колеса крутятся безмолвно,

И пыль подъ ними не встаетъ;

Земли касаяся безъ стука,

Мы словно въ воздухѣ скользимъ.

М а т а л и.

Такова чародѣйность колесницы, которая подчиняется Индрѣ и тебѣ.

Ц а р ь.

Въ какомъ направленіи находится обитель сына Браморожденного Маричи?

М а т а л и.

Смотри.

Вонъ тамъ стоитъ подвижникъ этотъ строгій,

Въ огромной муравьиной кучѣ онъ,

Змѣиной кожей грудь онъ препоясалъ,

На шеѣ цѣпь изъ высохшихъ лѣанъ,

На головѣ—вѣнокъ, то—грубый волосъ,

Что колетъ, спускаясь до плеча,

Свершая искусь, онъ глядитъ на Солнце,

Не отводя усталыхъ глазъ своихъ,

И какъ скала, стоитъ такъ неподвижно,

Что птицы гнѣзда свили въ волосахъ.

Царь. (Пристально смотря).

Великій почетъ тому, кто умерщвляетъ плоть столь страшнымъ способомъ.

М а т а л и. (Задерживая колесницу).

Мы вступили въ обитель древняго мудреца, чья супруга Адити возрождаетъ коралловыя деревья.

Царь.

Здѣсь довольство глубже, чѣмъ въ Небѣ. Мнѣ чудится, что я окунулся въ медвяное озеро.

М а т а л и. (Останавливая колесницу).

Сходи, о, Царь.

Царь. (Сходя).

Но какъ же будешь ты?

М а т а л и.

Колесница повинуется слову приказанія. Я тоже сойду. (Сходить). Предъ тобой, о, Царь, тѣ рощи, гдѣ самыя святыя отшельники ведутъ самоотреченную жизнь.

Царь.

Я смотрю съ изумленіемъ на ихъ простоту и на то, чѣмъ они могли бы услаждаться.

Въ лѣсу, гдѣ что ни дерево, то чудо,

Лишь вѣтеръ—пища имъ всегда,

Молитвенно свершаютъ омовенья,

Смывая золото цвѣтовъ,
 Погружены въ глубинность размышленій,
 Хоть всюду яхонты горять,
 И соблюдаютъ святость воздержанья,
 Хоть Дѣвы Неба возлѣ нихъ,
 Чего другіе жаждаютъ, то, имѣя,
 Свершая подвигъ, не берутъ.

М а т а л и.

Великіе умы всегда стремятся выше. (Онъ идетъ впередъ и говоритъ къ кому-то, кого не видно). Старецъ Сакалія, чѣмъ занятъ святой сынъ Маричи? (Слушаетъ). Что ты говоришь? Что онъ изъясняетъ Адити, въ отвѣтъ на ея вопросы, обязанности вѣрной супруги? Нужно подождать болѣе благоприятнаго времени. (Обращается къ Царю). Подожди здѣсь, о, Царь, а я возвѣщу о твоёмъ прибытіи родителю Индры.

Ц а р ь.

Хорошо. (Матали уходитъ. У Царя дергается рука,—счастливое предзнаменованіе).

Къ чему напрасный знакъ счастливый?
 Я не дерзаю уповать.
 Кто отъ себя отбросилъ счастье,
 Тотъ видитъ въ немъ одну печаль.

Г о л о с ь з а с ц е н о й.

Не дѣлай этого. Не будь такимъ сумасброднымъ. А, ты всегда одинъ и тотъ же.

Царь. (Слушая).

Сумасбродству здѣсь какъ будто совсѣмъ не мѣсто. Кто бы это былъ, кого такъ порицають? (Смотритъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ говорили. Удивленно.) Это ребенокъ. И ребенокъ еще маленькій.

Двѣ отшельницы бѣгутъ за нимъ.

Онъ тащитъ львенка, львенокъ бѣется,

Ему онъ гриву всю взлохматилъ,

И ручкой дѣтскою но властной,

Звѣренка хочетъ укротить.

(Входитъ маленькій мальчикъ, какъ описано, и Двѣ Отшельницы).

Мальчикъ.

Открой свою пасть, звѣрюга. Я сосчитаю, сколько у тебя зубовъ.

Первая Женщина.

Гадкій мальчикъ, зачѣмъ ты дразнишь нашихъ любимцевъ? Они для насъ какъ дѣти. Тебѣ непременно кого-нибудь ударить нужно, силъ слишкомъ много. Недаромъ тебя отшельники зовутъ Все-Укротителемъ.

Царь.

Почему мое сердце такъ рвется къ этому мальчику, — точно онъ сынъ мой родной? (Размышляетъ.) Это конечно оттого, что у меня нѣтъ дѣтей.

Вторая Женщина.

Смотри, львица на тебя набросится, если ты не отпустишь ея дѣтеныша.

Мальчикъ. (Смѣясь).

Ай, боюсь, боюсь. (Кусаетъ себѣ губы).

Царь. (Удивленно).

Въ этомъ мальчикъ зерно
Подвиговъ блестящихъ,
Онъ, какъ искра, только ждетъ,
Чтобъ костеръ сложили.

Первая Женщина.

Отпусти львенка, милый. Я дамъ тебѣ другую игрушку.

Мальчикъ.

Гдѣ она? Дай мнѣ ее. (Протягиваетъ руку).

Царь. (Смотря на его руку).

У него одна изъ царскихъ примѣтъ.

Между пальцами живыми что желаютъ что-то взять,
Тканью тонкою бѣлѣтъ волоконце,
Вся рука его какъ лотось, гдѣ стѣснились лепестки,
Чуть подернутые розовой зарею.

Вторая Женщина.

Суврата, мы его одними словами не удержимъ. Поди, у меня тамъ въ хижинѣ есть разрисованный глиняный павлинь, игрушка мальчика-отшельника Манканакки. Принеси его сюда.

Первая Женщина.

Сейчасъ. (Уходить).

Мальчикъ.

А пока я съ нимъ поиграю.

Отшельница. (Смотрить и смѣется).

Отпусти его.

Царь.

Мое сердце рвется къ этому своевольному ребенку.
(Вздыхая).

Какое счастье для родителей,
Коль дѣти на рукахъ у нихъ,
Еще незримо бусы бѣлыя,
Что будутъ зубками во рту,
Они чему-то улыбаются,
Кто догадается—чему,
Лепечуть, говорить пытаются,
И темень смыслъ ихъ первыхъ словъ,
Но все такъ мило для родителей,
И слово каждое поетъ,
И если тѣльце вдругъ запачкають,
Вотъ даже это мило въ нихъ.

Отшельница.

(Грозясь пальцемъ).

Ты даже на меня и взглянуть не хочешь? (Осматривается кругомъ). Никого здѣсь нѣтъ изъ отшельниковъ-подростковъ?

(Видитъ Царя). О, Владыка, пожалуйста подойди и освободи этого львенка. Маленькій негодникъ мучаетъ его, и я не могу заставить его отпустить звѣренка.

Царь.

Хорошо. (Приближается, улыбаясь). Маленькій сынъ великаго мудреца,—

Не хочешь быть ты добрымъ мальчикомъ?

Не хочешь слушаться отца,

Что хочеть добрымъ быть съ животными?

Ты хочешь быть здѣсь въ рошѣ злымъ?

Вѣдь ты не будешь же змѣенышемъ,

Рожденнымъ черною змѣей,

Что портишь древо благовонное,

Пятнаетъ благодный санталъ?

Отшельница.

Но, Владыка, его отецъ не отшельникъ.

Царь.

Такъ должно явствовать и изъ его взглядовъ и изъ его поступковъ. Но въ этомъ мѣстѣ я ничего другого не могъ предполагать. (Онъ высвобождаетъ львенка изъ рукъ мальчика, и, прикоснувшись къ нему, говорить себѣ).

Всѣмъ тѣломъ я чувствую нѣжность,

Коснувшись ребенка чужого,

Какое жъ безмѣрное счастье

Ребенка своимъ называть.

Отшельница.

(Смотря на Царя и на мальчика).

Удивительно. Удивительно.

Царь.

Почему говоришь такъ, Мать?

Отшельница.

Я изумлена при видѣ того, какъ мальчикъ похожъ на тебя, Владыка. Вѣдь вы не родственники. Притомъ же, онъ своевольникъ и не знаетъ тебя, а все же не выказываетъ къ тебѣ никакого нерасположенія.

Царь. (Лаская мальчика).

Мать, если отецъ его не отшельникъ, изъ какой же онъ семьи?

Отшельница.

Изъ рода Пуру.

Царь. (Къ самому себѣ).

Изъ одного рода со мной. Тогда, быть можетъ, мысль моя вѣрна? (Громко). Но таковъ обычай въ родѣ Пуру:—

Они живутъ въ блистательныхъ дворцахъ,

И правятъ родиною мудро,

Когда жъ преклонный возрастъ настаетъ,

Кончаютъ дни въ уединеніи.

Но какъ человѣческія существа, собственною своею волей, могутъ достичь этого мѣста?

Отшельница.

Ты справедливо говоришь, Владыка. Но мать ребенка была сродни Небеснымъ Дѣвамъ, и она родила своего сына въ священной роцѣ Отца Боговъ.

Царь. (Къ самому себѣ).

О, второе основанье для надежды. (Громко). Какъ имя добраго Царя, кому она супруга?

Отшельница.

Кто будетъ называть его имя? Онъ отвергъ свою вѣрную жену.

Царь. (Къ самому себѣ).

Разсказъ указываетъ на меня. Спросить мнѣ мальчика, какъ зовутъ его мать? (Размышляетъ). Нѣтъ, это было бы недостойно меня говорить о той, Кто можетъ оказаться чужой женой. (Приходитъ Первая Женщина, съ глинянымъ павлиномъ).

Первая Женщина.

Смотри, Все-Укротитель. Вотъ тебѣ птица, сакунта. Скажи, мила сакунта?

Мальчикъ. (Осматривается кругомъ).

Гдѣ моя мама? (Двѣ Отшельницы разражаются смѣхомъ).

Первая Женщина.

Слово звучало, какъ ея имя, и обмануло его. Онъ любить свою мать.

Вторая Женщина.

Она сказала: „Посмотри, какой красивый павлинь“. Больше ничего.

Царь. (Къ самому себѣ).

Его мать зовется Сакунтала. Имена одинаковы. Хочу думать, что эта надежда не окажется въ концѣ концовъ обманомъ, миражемъ.

Мальчикъ.

Мнѣ нравится этотъ маленькій павлинь, сестра. Онъ умѣетъ летать? (Хватаетъ игрушку).

Первая Женщина.

(Смотря на мальчика. Съ тревогой).

О, амулета нѣтъ у него на рукѣ.

Царь.

Не тревожься, Мать. Амулетъ упалъ, когда онъ боролся съ львенкомъ. (Быстро наклоняется, чтобъ поднять амулетъ).

Двѣ Женщины.

О, не дѣлай, не дѣлай этого. (Смотрить на него). Онъ прикоснулся къ амулету. (Изумленные, онѣ прижимаютъ руки къ груди, и смотрятъ одна на другую).

Царь.

Почему вы хотѣли помѣшать мнѣ сдѣлать это?
сакунтала.

Первая Женщина.

Слушай, Государь. Это божественный и сильнѣйшій талисманъ, зовущійся Непобѣдимымъ. Святой сынъ Маричи далъ его ребенку, когда только что былъ совершенъ обрядъ рожденія. Если онъ падаетъ на землю, никто не можетъ прикасаться къ нему, кромѣ родителей мальчика или его самого.

Царь.

А если кто другой его тронетъ?

Первая Женщина.

Онъ превращается въ змѣю и жалить.

Царь.

Вы когда-нибудь видѣли, чтобъ это съ кѣмъ-нибудь произошло?

Объ Женщины.

И не разъ.

Царь. (Радостно).

Такъ почему бы не сталъ я ликовать, что надежда моя наконецъ исполнилась? (Обнимаетъ мальчика).

Вторая Женщина.

Идемъ, Суврата. Сакунтала исполняетъ сейчасъ молитвенныя обязанности. Пойдемъ, и расскажемъ ей обо всемъ. (Объ уходятъ).

Мальчикъ.

Пусти меня. Я хочу къ моей Матери.

Царь.

Сынъ мой, ты вмѣстѣ со мной пойдешь привѣтствовать свою Мать.

Мальчикъ.

Мой отецъ Душіанта, а не ты.

Царь. (Улыбаясь).

Опровергая меня, ты мнѣ показываешь, что я правъ. (Входитъ Сакунтала, волосы ея заплетены въ одну косу).

Сакунтала. (Сомнѣваясь).

Я слышала, что амулетъ Все-Укротителя не измѣнился, когда онъ долженъ былъ бы измѣниться. Но я не вѣрю моему счастью. Но быть можетъ это такъ, какъ Мишракеши рассказала мнѣ. (Идетъ).

Царь. (Смотря на Сакунталу. Съ грустною радостью). Это она. Это Сакунтала.

Въ темномъ покровѣ она,
Лицо отъ поста исхудало.
Волосы въ косу одну
Скромно она заплетаетъ,
Такъ исполняетъ обѣтъ,
Грустя обо мнѣ, безсердечномъ.

Сакунтала.

(Смотря на Царя, блѣднаго отъ душевнаго волненія. Съ сомнѣніемъ).

Это не супругъ мой. Кто этотъ мужчина, что прикасается своими поцѣлуями къ моему ребенку? Амулетъ долженъ былъ бы защитить его.

Мальчикъ. (Бѣжитъ къ матери).

Мать, этотъ человѣкъ принадлежитъ къ нашему народу.
И онъ называетъ меня своимъ сыномъ.

Царь.

Любимая, жестокость, которую я высказалъ къ тебѣ, обратилась въ счастье. Или ты не узнаешь меня?

Сакунтала. (Къ самой себѣ).

О, сердце, увѣруй. Судьба ударила жестоко, но зависть ея миновала, и жалость вернулась. Это супругъ мой.

Царь.

Исчезла темнота безумія,
Вернулась память, это ты,
Любовь, окончилось затменіе,
И снова съ Мѣсяцемъ звѣзда.

Сакунтала.

Побѣда, побѣ... (Рыданія пресѣкають ея голосъ).

Царь.

О, милая, милая, да, побѣдилъ я,
Хоть кличъ твой побѣдный въ слезахъ потонулъ,
Но снова я вижу лицо дорогое,
И милыя блѣдныя губы твои.

Мальчикъ.

Кто онъ, Мать?

Сакунтала.

Спроси Судьбу, дитя мое. (Плачетъ).

Царь.

Забудь, красивая, забудь,
 Скорбь отлученья да развѣется,
 Безумьемъ страннымъ разумъ мой
 Былъ облеченъ какъ тѣнью дымною.
 Я былъ—какъ скорбный тотъ слѣпецъ,
 Что разлученъ съ сіяньемъ солнечнымъ,
 И принимаетъ за змѣю
 Вѣнокъ любви, ему дарованный.

(Падаеть къ ея ногамъ).

Сакунтала.

Встань, милый супругъ мой. Навѣрно, навѣрно, это какой-нибудь давнишній грѣхъ мой прервалъ мое блаженство—хоть вотъ снова оно вернулось, счастье мое. Иначе, какъ могъ бы ты, любимый, такъ поступить со мной? Ты такой добрый. (Царь встаетъ). Но что возвратило воспоминанье о тоскующей женѣ твоей?

Царь.

Я скажу тебѣ, только прежде жало скорби вырву совсѣмъ.

Это было безумье, безумье, желанная,
 На глазахъ твоихъ вызвать слезу, хоть одну,

Вотъ еще на рѣсницѣ дрожить одинокая,
Я сотру ее—такъ—и стираю печаль.
(Смахиваетъ слезинку съ ея рѣсницъ).

Сакунтала.

(Смотрить пристальноѣ, и видитъ кольцо).

Супругъ мой, это—кольцо.

Царь.

Да. И когда чудо совершилось, память моя вернулась.

Сакунтала.

Такъ вотъ почему для меня было совершенно невозможно заставить тебя повѣрить.

Царь.

Такъ пусть лоза съ цвѣткомъ соединится, какъ ихъ союзъ соединенъ съ весной.

Сакунтала.

Я ему не довѣряю. Ужъ лучше ты его носи. (Входитъ Матали).

Матали.

Привѣтствую тебя, о, Царь, и радуюсь, что ты соединился съ своею супругой и видишь лицо сына твоего.

Царь.

Мои желанья увѣнчались вдвойнѣ сладостно, ибо исполнились черезъ друга. Матали, Индра не знаетъ обо всемъ этомъ?

Матали. (Улыбаясь).

Что же скрыто отъ Боговъ? Идемъ. Святой сынъ Маричи, Касіапа, хочеть видѣть тебя.

Царь.

Жена моя милая, возьми съ собой нашего сына. Я не могу предстать безъ васъ предъ Святымъ.

Сакунтала.

Я стыжусь предстать съ супругомъ предъ такими родителями.

Царь.

Таковъ обычай въ праздничные дни. Идемъ. (Идутъ. Взорамъ глядящихъ предстаетъ Касіапа, онъ сидитъ вмѣстѣ съ Адити).

Касіапа. (Смотря на Царя).

Адити,—

Такъ вотъ онъ, мужъ, идущій въ битву первымъ,
Царь Душіанта, властелинъ Земли,
Его стрѣлъ, до цѣли доходящей,
Обязаны мы тѣмъ, что въ гулъ грозъ
Топоръ громовой Индры сталъ игрушкой.

Адити.

Ужъ одинъ его видъ говорить о его мужествѣ.

Матали.

О, Царь, Родители Боговъ глядятъ на тебя очами, изобличающими отеческую любовь и материнскую. Приблизься къ нимъ.

Царь.

Матали,—

Такъ это-то преславная чета,
Что лишь звеномъ отъ Міродержца Брамь
Отдѣлена?
Чета, что есть, какъ говорятъ провидцы,
Источникъ Солнца, чьи двѣнадцать лицъ
Сіяють?
Чета, которой, сильный Трехъ Міровъ,
Богъ Индра порождень, Богамъ владыка,
Чей ликъ въ грозѣ?
Чета, въ которой Духъ Вселенскій Вишну,
Что больше Брамь, въ самобытіи,
Явился?

Матали.

Именно такъ.

Царь. (Падая передъ ними).

Слуга Индры, Душіанта, приноситъ вамъ свое почитаніе.

Касіапа.

Царствуй надъ Землею въ долгоденствіи, сынъ мой.

Адити.

И будь непобѣдимъ. (Сакунтала съ сыномъ падаетъ къ ихъ ногамъ).

Касіапа.

Дочь моя,—

Супругъ твой равень Индрѣ Громовержцу,
Твой малый сынъ

Похожъ на сына Индры, на Джайянту,
 А ты сама
 Будь какъ супруга Индры, Пауломи.

А д и т и.

Дитя мое, блюди благую волю твоего супруга. И да преуспѣваетъ этотъ сынъ прекрасный, какъ честь семей обоихъ родителей. Придите и сядьте. (Всѣ садятся по обѣ стороны Праотца).

К а с і а п а.

(Указывая по очереди на каждого).

Счастье да будетъ Сакунталѣ,
 Счастіе малому мальчику,
 Счастье Царю,
 Благословенная тройственность,
 Вѣрность, Сокровище, Доблестность,
 Міру—разсвѣтъ.

Ц а р ь.

Святой, твое благоволеніе, намъ явленное, безпримѣрно.
 Ты даровалъ намъ исполненіе нашихъ желаній, прежде чѣмъ
 мы предстали предъ тобой.

Сперва—цвѣтокъ, потомъ и плодъ созрѣетъ,
 Сначала—туча, послѣ—дождь,
 А ты сперва свершенье даровалъ намъ,
 А послѣ мы пришли къ тебѣ.

Матали.

О, Царь, таково благоволие, что оказываютъ Праотцы Мира.

Царь.

Святой, я сочетался съ этой дѣвственной служительницей твоей обрядомъ вольнаго супружества. Когда, нѣкоторое время спустя, родные ея привели ее ко мнѣ, память моя измѣнила мнѣ и я ее отвергъ. Такъ поступивъ, я прегрѣшилъ передъ Канвой, предъ близкимъ ея. Но позднѣй, когда я увидалъ кольцо, я постигъ, что я связанъ съ ней бракомъ. И все это кажется мнѣ чудеснымъ и непонятнымъ.

Я былъ какъ тотъ, кто говоритъ: „Вотъ слонъ“,

Потомъ сомнѣнью предается,

Хоть видѣлъ ясно, утверждаетъ: „Нѣтъ“,

И снова знаетъ, слѣдъ увидѣвъ.

Касіапа.

Сынъ мой, не обвиняй себя въ грѣхѣ. Это была мечта, и она была неизбежна. Слушай.

Царь.

Я слушаю.

Касіапа.

Когда Небесная Дѣва Менака сошла на землю и взяла Сакунталу, огорченную твоимъ отверженіемъ, она пришла къ Адити. Тогда я воззрѣлъ на все это Божескимъ своимъ прозрѣніемъ. И я увидѣлъ, что несчастная дѣвушка была

отвергнута законнымъ своимъ супругомъ благодаря проклятію, что произнесъ Дурвасасъ. И я увидѣлъ, что проклятіе кончится, когда появится опять кольцо.

Царь.

(Со вздохомъ облегченія. Къ самому себѣ).

Такъ значить я свободенъ отъ порицанія.

Сакунтала. (Къ самой себѣ).

Благодареніе небу. Супругъ мой отвергъ меня не по собственной своей волѣ. Онъ дѣйствительно не помнилъ меня. Вѣрно, я не слыхала проклятія, когда была такъ разсѣяна, и потому-то мои подруги такъ убѣдительно предостерегали меня, чтобы я показала супругу кольцо.

Касіапа.

Дочь моя, ты знаешь истину. Не давай же теперь никогда хода гнѣву на твоего законнаго супруга. Помни:—

Все было вызвано проклятіемъ,

Забвеніе, разлука, скорбь.

Исчезла злая тьма безпамятства,

И ты его Царица вновь.

Когда покрыто пылью зеркало,

Невѣренъ въ немъ и дымень ликъ,

Но если глубь чиста зеркальная,

Всѣ отраженія въ немъ живутъ.

Царь.

О, Святой, это слова правды.

Касіапа.

Сынъ мой, я полагаю, что ты достодожно привѣтствовалъ рожденнаго тебѣ Сакунталой сына, надъ которымъ я самъ совершилъ обрядъ рожденія и всѣ другіе священные обряды.

Царь.

Святой, въ немъ вся моя надежда, чаянье рода моего.

Касіапа.

Такъ знай же, что мужество, которое въ немъ заложено, сдѣлаетъ его Міровымъ Царемъ.

Въ такой колесницѣ, для бѣга которой

Не будетъ препятствій,

Онъ быстро проѣдетъ Всемирное Море,

Побѣднымъ героемъ.

И Семь Міровыхъ Острововъ покоритъ онъ,

Властительной волей,

Недаромъ съ младенчества такъ полюбилъ онъ

Звѣрей укрощенье.

Онъ Все-Укротителемъ названъ былъ въ дѣтствѣ,

Когда жъ возрастетъ онъ,

Онъ Бгарата будетъ, Правитель, что зорокъ,

И съ мудростью править.

Царь.

Я всего благого могу ждать отъ него, если ты совершилъ надъ нимъ начальные священные обряды.

А д и т и.

Нужно извѣстить также Канву, что желанія его дочери исполнились. Но Менака нужна мнѣ здѣсь, и я не могу ее послать.

Сакунтала. (Къ самой себѣ).

Святая сказала то, чего я такъ хотѣла.

Касіапа.

Галява, лети немедленно по воздуху, и отнеси желанныя вѣсти отъ меня благому Канвѣ. Скажи ему, какъ проклятіе Дурвасаса пришло къ концу, какъ къ Душіантѣ вернулась память, сообщи ему, что онъ взялъ Сакунталу съ ея ребенкомъ къ себѣ.

Ученикъ.

Да, Святой, исполню. (Уходитъ).

Касіапа. (Къ Царю).

Сынъ мой, взойди съ супругою и сыномъ на колесницу дружественнаго къ тебѣ Индры, и направься въ свою столицу.

Царь.

Слушаю тебя, Святой.

Касіапа.

Индра твоимъ да пошлетъ капли свѣжащаго ливня,
Ты же Небеснымъ отдашь жертвы свои въ полночь,
Такъ во взаимной любви сто человѣческихъ жизней
Будутъ на благо Землѣ, и въ прославленье Небесъ.

Царь.

Святой, я сдѣлаю все, что смогу.

Касіапа.

Что еще, сынъ мой, сдѣлать мнѣ для тебя?

Царь.

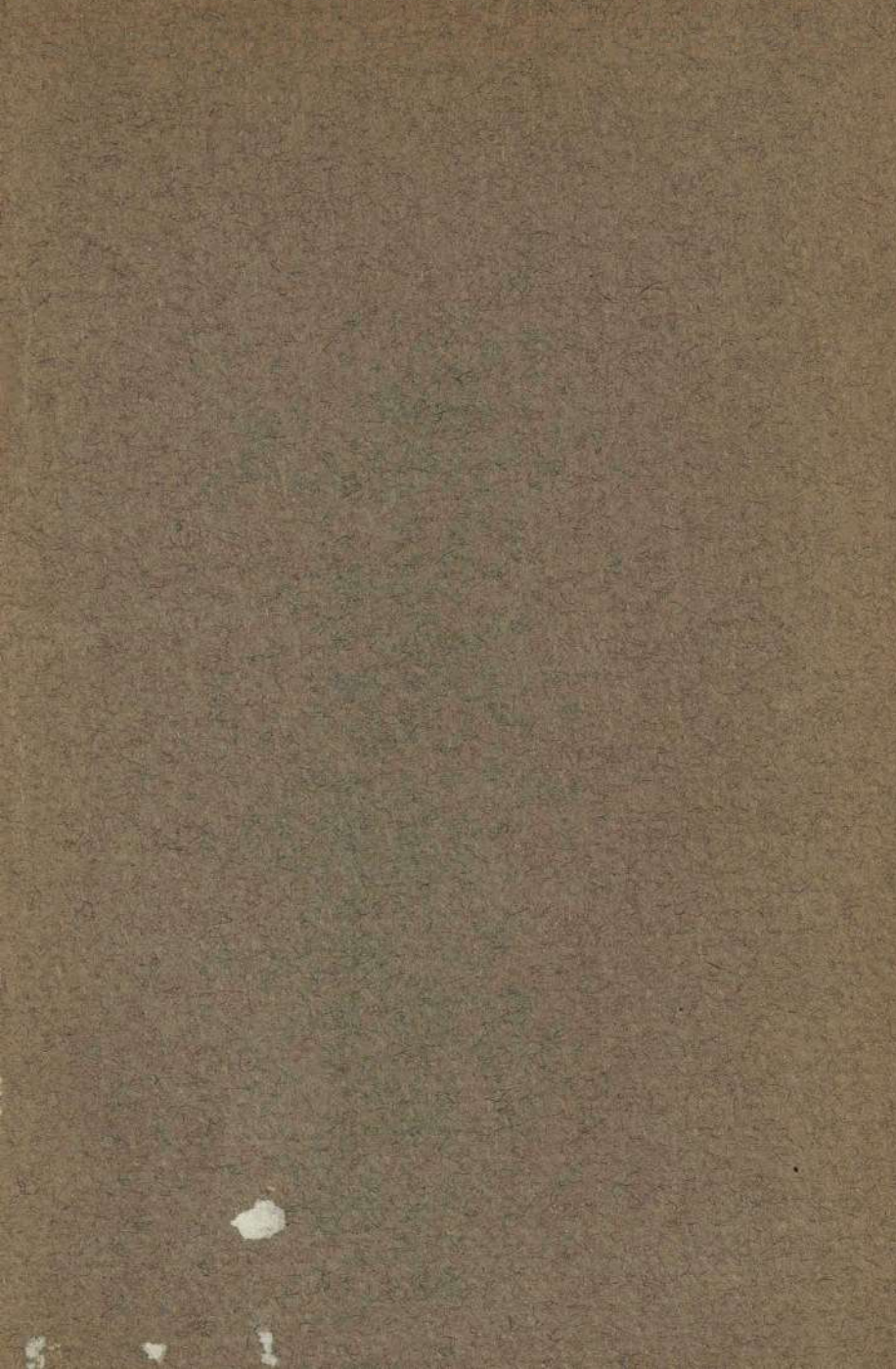
Можетъ ли что еще быть сдѣлано? Но да будетъ услышана вотъ эта мольба.

Да править Царь—о благѣ царства помня,
И счастье подданнымъ даетъ,
Богиня пѣсни—свѣтлыя дороги
Въ искусствѣ Слова да ведетъ,
И да восхочетъ Тотъ, Чей свѣтъ въ пространствѣ,
Чья мысль на каждомъ здѣсь челѣ,
Что, если суждено мнѣ возродиться,
Вновь буду жить—не на Землѣ.

p. 80.

1/70.

PKT
M3

2018694547

